

ИРИНА СКИДНЕВСКАЯ

Ирина Скидневская

Пит и Дарина

<https://litres.ru/74655384>

SelfPub; 2026

Аннотация

Город ещё не залечил раны после первой атаки, но уже раскрыта тайна, о которой боятся даже думать. Дубыюк пытается отразить новую напасть - Фанни борется с демонами, Джо оседлал дракона, Барри экономит, мурры, как всегда, на высоте. А Питу и Дарине непросто найти своё счастье.

Тьма смотрит на тебя. Если ты слабый, беги. Если сильный - берегись.

Автор обложки Елена Захарова

Содержание

Часть первая. Белоголовка	4
Глава 1	4
Глава 2	28
Глава 3	61
Глава 4	72
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Ирина Скидневская

Пит и Дарина

Часть первая. Белоголовка

Глава 1

1

Мельница стала её убежищем. За высоким каменным забором, вдали от людей, Дарина смогла наконец вздохнуть спокойно и полюбила слушать тишину. Здесь не было режущих слух криков, недовольства, раздражённых приказаний и косых взглядов. Рассеялась тягостная зависимость, в которую она попала в доме Юраса, исчезло положение приживалки, которой взхлёб пеняли и за то и за это. С каждым днём работы становилось больше, а уважения меньше. Сначала уволили одну служанку, потом вторую. Зачем тратить-ся на прислугу, когда Даринка и полы помоем и постирает, и приготовит, и на стол подаст? Сначала она охотно занималась хозяйством — почему бы не помочь? Но путы становились крепче, а обязанности неподъёмнее. Однажды проснувшись утром, Дарина, измученная домашней работой и беременностью, поняла, что пора уходить. В доме Юраса она не

нашла того, о чём мечтала, — ни любви, ни радости, ни уверенности в завтрашнем дне.

Их роман с Питом оказался слишком коротким, Дарина не успела побывать на мельнице, но его мать Марион она знала, встречались в городе и на школьных собраниях. А теперь она жила в её чистенькой комнате: обои в мелкий цветочек, высокая кровать с коваными спинками, комод под кружевной салфеткой и старый платяной шкаф, зеркальная дверца которого совсем потемнела.

Два дня она отсыпалась. Вставала, чтобы поесть на кухне заварную лапшу, выпить сладкого чая с сухарями, и брела, полусонная, назад. Матрас был удобным, льняное постельное бельё успокаивающе отдавало лавандой, и её постепенно отпускали гнетущие сны, в которых обязательно кто-то бил посуду и визгливо кричал. Ребёнок тяжело ворочался в животе. Наверное, ему снилось то же самое.

По утрам Пит уходил на работу в город, возвращался поздно, что-то ел на кухне и сразу ложился спать. Но однажды вечером его ждал горячий ужин.

— Ты извини меня, ладно? — сказала Дарина, наливая в тарелку суп. — Я уже слезла с кровати, буду помаленьку помогать. Вот, возьми на продукты. — Она положила на стол золотые серьги с камешками. — Родители подарили к окончанию школы.

Пит взглянул на серьги. Вид у него был утомлённый.

— Оставь себе. Пока ты здесь, я тебя прокормлю. Я муж-

чина, мне положено. С гостей денег не берут.

С гостей... Это больно резануло, но а чего она хотела? Дарина тоже села за стол.

— Тогда отдам повитухе. Договорюсь, чтобы сюда пришла.

— Сюда? Почему?

— Не хочу в городе. Боюсь, ребёнок подцепит в больнице заразу.

— Как скажешь. — Он покосился на её живот. — Скоро уже?

— На днях...

Глядя в тарелку, он доел суп, а потом сказал всё тем же равнодушным, убивающим её голосом: — Там мать детские вещи приготовила. Думала, мы поженимся. В шкафу посмотри.

Дарина закрыла лицо руками.

— Пит...

Он поморщился.

— Не начинай. Устал я, пойду спать.

Назавтра он принёс мясо, овощи и большой пакет яблок.

— Тётя Жанин меня долго допрашивала, а потом отругала за суп из пачек да сухари. Сказала, беременные должны хорошо питаться. Вот, яблоки тебе послала.

— Передай ей большое спасибо, — залившись краской, сказала Дарина.

— Я договорился насчёт свежего молока и сметаны. По

утрам будут привозить и оставлять за калиткой, так что ты не зевай. Мать всегда покупала, а я... — Он махнул рукой.

...Вскоре кое-что приключилось. День выдался нежаркий, Дарина вышла прогуляться по окрестностям и, любуясь чудесными видами, не заметила, как удалилась от мельницы. Холмы переливались всеми оттенками зелёного, журчали ручьи, и иногда Дарине, разувшись, приходилось переходить их вброд. Мельница осталась далеко позади, но она шла и шла мимо рощ и селений, вдыхая чистый воздух и чувствуя себя свободной и вполне счастливой. Что за сила несла её вперёд? Она не понимала и только усилием воли заставила себя повернуть назад.

Неожиданно раздались крики. Дарина остановилась, прислушиваясь. Улюлюкали дети. Из-за пригорка вылетела чёрная кошка с белым пятном на мордочке. Совершенно измученная, она упала у ног Дарины, беззвучно открыла рот и вывалила язык.

Голоса приближались. Дарина поспешно села, вытянув ноги, ловко засунула кошку в свою соломенную сумку, прикрыла букетом собранных по дороге цветов и оправила платье на огромном животе. За этим занятием её и застала целая ватага подростков, огласивших округу пронзительными воплями. В руках у них были камни, но они сразу спрятали руки за спину.

— Тётяшка, вы кошку не видали?!

— Оставьте её в покое! – сердито сказала Дарина и при-

творилась, что украдкой взглянула вниз. — Надеюсь, вы её не догоните...

Мальчишки понеслись с холма, а Дарина направилась к видневшейся вдали мельнице.

Кошка сидела в сумке тихо, но, когда представился случай, выбралась наружу и убежала. Эта история быстро забылась бы, но имела продолжение.

На следующий день Дарина ползала на коленках по кухне и мыла пол. В кладовке стояла швабра, но ей хотелось размять поясницу. У печки вдруг зашуршало, будто кто скрёбся, и, продрав обои над плинтусом, наружу выставилась чёрная лапа. Дарина взвизгнула. Она побоялась резко встать на скользких половицах и неуклюже поползла к двери. Между тем кошка с треском выбралась из дырки, подбежала и с громким мурлыканьем принялась тереться о Дарину. Это была та самая кошка с белой мордой, невероятно тощая и грязная.

— Кыска, — ошеломлённо вымолвила Дарина. — Как ты меня нашла?

Кошка царапалась, но всё же позволила вымыть себя в тазу. Теперь Дарина смогла хорошенько её рассмотреть. Правая сторона мордочки была белой, вертикальная линия раздела шла по носу ровно, как по линейке. И больше на чёрном тельце — ни единого светлого пятнышка.

Хвостатая гостя напилась тёплого молока, с урчаньем съела кусок мяса и поспала на кровати под боком у прикор-

нувшей Дарины. Она юркнула в лаз перед самым возвращением Пита, и ему пришлось довольствоваться лишь рассказами о ней.

— Ты не представляешь, какая она ласковая! Чудесная кошечка! Поймала мышку и играла. А потом, конечно, слопала.

Пит верил и не верил. Он видел только круглое отверстие в стене да пустое блюдо на полу у печки. Сегодня он разгружал машину с цементом, спина ныла, перед глазами до сих пор мелькали тяжеленные пыльные мешки.

— Порадуйся, Пит! Говорят, неожиданное появление кошки сулит хозяевам удачу.

Да-да, как бы не так, подумал Пит. Мать говорила, *если какая придёт на мельницу, гони, чтоб духу её здесь не было.*

— В последнее время я не очень верю в удачу. Разве мне можно владеть кошкой? На неё же требуется разрешение.

— Ты мельник, тебе всё можно.

— Как это?

— Да ты можешь хоть слона себе завести, никто слова не скажет!

Пит раздул щёки.

— Это новость...

— Новость? А, я поняла. Есть поговорка: кто мельнику проболтается, умрёт в тот же день. Вот ты ничего и не знаешь.

Пит болезненно скривился, пытаясь переварить услышан-

ное.

— У нас с матерью никогда не было кошки.

— У нас тоже. Поэтому я так радуюсь.

— Какая она?

— Обычная, — запнувшись, ответила Дарина.

Уставшего на работе Пита после ужина неудержимо потянуло в сон. Перед глазами качался стол и сидящая за ним беременная женщина в вишнёвом халате, оставшемся от матери. Пит молча встал и ушёл в свою комнату.

2

Дарина тщательно вымыла с содой кувшин из-под молока, вытерла полотенцем и поставила на подоконник. Потом почистила вилки с ложками и тоже натёрла до блеска. После принесла с ледника кастрюлю с бульоном и сварила на газовой плите капустный суп, который любил Пит. С большим животом всё это было делать несколько затруднительно, но она не торопилась, работала в своё удовольствие и с разумной долей осторожности, чтобы не навредить ребёнку. Покончив с домашними делами, она вышла подышать свежим воздухом.

Солнце высушило ещё утром блестящие во дворе лужицы, с цветущей яблони у колодца ветерок сбивал бело-розовые лепестки. Дарина достала из кармана халата сухарь, бросила на середину двора. Воробьи, скакавшие по высокой каменной ограде, слетели вниз и с громким чириканьем стали драться за крошки. Блаженно жмурясь на солнцепёке, Дари-

на наблюдала за ними и вдруг подумала, что следующей весной она посадит цветы и зелень в клумбы у южной стены. Как Марион. Ребёнок стал энергично толкаться, она обняла живот обеими руками и прошептала:

— Тише, малыш, всё хорошо... Мы дома.

Из-за сарая выбежала белоголовая кошка — её кошка — и принялась гоняться за воробьями, а когда ей наскучило, скользнула в приоткрытую дверь мельницы.

Дарина пошла следом и в нерешительности остановилась перед закруглённой сверху двустворчатой дверью, своими внушительными размерами больше напоминающей ворота. Пит строго-настрого запретил заходить на мельницу, пугал прогнившими балками, которые могут упасть на голову. Но любопытство победило, и Дарина заглянула внутрь.

Мельница, грубая каменная постройка, мрачная и отталкивающая снаружи, показалась ей внутри чудесным дворцом для великанов. Свет широкими потоками лился из окон на втором этаже, дробился, мелко просеиваясь сквозь ажурную вязь балок, и посреди мельницы стоял волшебный светлый столб, кокон с двумя огромными жерновами в центре. Два тяжёлых камня опирались на деревянные антресоли, которые частично разделяли первый и второй этажи, но казалось, что они висят в воздухе. От жерновов нисходили к ящикам на полу два брезентовых рукава для выхода муки. Крутая лестница с широкими ступенями вела на антресоли, а где-то высоко под крышей был чердак — однажды Пит упомянул о

нём в разговоре. Но почему он солгал ей?

Дарина протиснулась в дверь и остановилась на пороге, на границе света и тени. Здесь пахло пылью, но не плесенью, и балки над головой были прочными, из светлого дерева, отливавшего золотом. По ногам тянуло сквозняком, в столбе света танцевали мириады пылинок.

Раздалось тихое мяуканье — Белоголовка сидела на одной из деревянных бочек, стоявших в ряд. Бочки были выше Дарины на голову, и в каждой, наверное, мог поместиться целый бык. Подумав, что кошка боится спускаться с высоты, Дарина с ласковым бормотаньем протянула к ней руки, но та без затруднений сама спрыгнула на пол. Между бочками что-то белело. Книга. Дарина осторожно, чтобы не порвать, вытащила её и обтёрла пыльную обложку рукавом халата. "Легенды Дубьюка". Желтоватые страницы в середине помялись и запылились — наверное, кто-то уронил книгу с открытого второго этажа.

Дарина плотно прикрыла за собой дверь, чтобы Пит не узнал, что она здесь побывала, и, вернувшись в дом, устроилась на кровати с найденным томиком. Среди прочих был раздел, озаглавленный как «Рассказы Тильда Большерукого, который любил хорошо поесть и ненавидел летать». Дарина много читала и хорошо знала местные предания, но этот автор был ей незнаком. Интересно, какие у него были руки? Длинные, до колен, или с огромными кулаками? А может, Большерукий — это фамилия, а не прозвище? Она предста-

вила: вот он сидит в своём родовом замке за внушительным дубовым столом, уставленным тарелками со всякой вкусной снедью, ест в свое удовольствие, и вдруг из открытого окна раздаётся нежный голос: "Тильд, летать! Летать, милый!" — "Нет, только не это", — морщится Тильд и торопливо запикивает в рот кусок мясного пирога, истекающего прозрачным соком. "Тильд, я рассержусь! Крылья не могут просто висеть на стене..." Чей это голос — жены, матери? "Ну, хорошо, хорошо, — сдаётся Тильд, добродушнейший из людей. С сожалением оглядев ещё не тронутые кушанья, он встаёт из-за стола, снимает со стены пару белых крыльев, просовывает ручищи в прочные кожаные крепления, и крылья, огромные и мягкие, прилипают к ним, становятся частью тела. Ему лет двадцать пять, может быть, тридцать, но он уже довольно упитан — ещё бы, так часто и помногу есть. Сложив перед собой крылья, чтобы протиснуться в окно, Тильд по приставной деревянной лесенке с кряхтеньем всходит на низкий подоконник, разводит крылья в стороны и, зажмурившись, делает глубокий вдох. Настал самый страшный, всё отравляющий миг: надо перебороть себя и броситься в синюю бездну. Ведь если ты отрастил себе крылья, то просто обязан летать...

Дарина очнулась, прервав полёт своей фантазии, способной унести её в запредельные дали, и начала читать «Историю про допотопных людей и Мать-кошку»:

Случилось это в те далёкие времена, когда люди уже уме-

ли читать и писать, но ещё не знали, от кого они произошли, от обезьян или от крокодилов...

3

Вечером после работы Пит заглянул в бар на улице Тружеников, чтобы выпить кружку пива. Следом зашёл неприятный тип с плоским лицом, плотник по прозвищу Блин. Им с Питом доводилось встречаться на стройплощадках.

— Чего тебе? — с неприязнью сказал бармен, когда Блин устроился на высоком табурете у стойки рядом с Питом. — Если опять затеешь драку, можешь забыть сюда дорогу. Ты ещё с прошлого раза должен за разбитое стекло.

— Ой, дорогу, — завёлся Блин. — Да на одной этой улице три бара!

— Вот и иди туда! Нечего мне клиентов распугивать.

Блин посмотрел на внушительные руки бармена, наводившие блеск на пивную кружку прямо перед его носом, и сбавил тон.

— Я сегодня в завязке, командир. Просто потолкую кое с кем. — Он взглянул на Пита. — Эй! Говорят, у тебя на мельнице поселилась кошка... — В его словах таилась непонятная угроза.

Все в баре смотрели на них, и Пит занервничал. Сохранять невозмутимый вид было непросто, но он неторопливо отхлебнул пива.

— Кто говорит?

— Да все.

— Не видел я никакой кошки.

Лицо у Блина сделалось откровенно злым.

— Слышь, одноглазый? Другие-то не слепые. Пакость нам готовишь? О тебе, приятель, давно плохие слухи ходят. Если что, потом на нас не обижайся.

В заведении стало тихо. Бармен медленно тёр салфеткой кружку.

Питу вспомнились загадочные слова Дарины о том, что мельнику *всё можно*. И этот наглый Блин злил его до тошноты...

— Я тебе не приятель, — с еле сдерживаемой яростью сказал он. — Ты кому грозишь, блина кусок? Ты мне грозишь? Мельнику? Ещё раз назовёшь меня одноглазым, сам окосеешь!

Никто этого не ожидал. В баре установилась мёртвая тишина, бармен застыл с кружкой в руках. Блин испуганно пробормотал:

— Брысь меня, брысь...

— Так всем и передай, — продолжал Пит, удостоверившись по произведённому эффекту, что и впрямь имеет право на свой апломб, — если кошка придёт на мельницу, я не стану слушать чьё-то блеяние, а поступлю, как мне вздумается!

Блин слез с табурета.

— Ты, это... забудь, Питер... Раз не видел, значит, не видел... И покончим на этом...

— Давай, шагай.

— Ага, ага... передам...

Блин заторопился к выходу, нервно стряхивая с себя, как пыль, невидимую беду — с куртки, со штанов, с непокрытой головы. В предместьях всегда так делали, когда боялись.

Среди гробового молчания Пит допил пиво, швырнул на стойку монету и, раздражённо пнув дверь, вышел.

Снаружи его поджидала цветочница, красивая темноволосяя девушка в розовом платье с пышной юбкой до колен. Она немедленно подплыла к Питу, окатив пронзительным запахом духов. Пит окинул её взглядом. Белая, как сливки, кожа, щёки с ямочками, пухлые губы... И фигуристая, прав был Мардишер. Стычка с Блином тут же забылась.

— Здравствуй, Питер! Опять мы с тобой встретились!

В прошлый раз ему было не до неё, и настойчивую, но неглупую девчонку как ветром сдуло.

От приторно-сладких духов свербело в носу, Пит громко чихнул.

— Ну, ты и роза, — сказал он грубовато, но с одобрением.

— Цветёшь и пахнешь.

Она звонко рассмеялась и прильнула всем телом, повисла на руке у Пита.

— Для тебя — особый сорт, без шипов! Меня ведь так и зовут — Розалина, а проще — Роз.

— А ты не боишься мельника? — спросил он насмешливо.

— Разве ты проклянёшь свою розочку? — тая от счастья,

прошептала она.

...Пит дома не ночевал, а когда вечером вернулся с работы, его ждала новость: у Дарины начались роды, но не заладилось. С утра мучается, да всё без толку, сообщила полнотелая и румяная повитуха. Пит не мог слышать стоны роженицы и ушёл во двор, решив занять себя уборкой.

Когда заходящее солнце обагрило холмы, повитуха в цветастой шали вышла на порог и, с трудом сдерживая зевоту, сказала:

— Иди, зовёт. Отходит.

— Как — отходит? Ты что несёшь?

— В больницу ехать отказывается, расписку вот написала.

— Так сделай что-нибудь! Тебя зачем позвали?

— А что я сделаю? Ребенок поперёк лежит. Ты её живот видел? Гора! Раскормила, как поросё! — И она добавила с удвоенной злостью: — Теперь из-за вас меня затаскают...

В тесноватой комнате матери всё было по-прежнему, и снова в воздухе витало несчастье. На прикроватной тумбочке горела лампа, стояла склянка с отваром, на полу — таз с водой и два полотенца, неряшливо брошенных повитухой. На сбившейся постели, раскинув руки, лежала на спине Дарина, бледная, казавшаяся раздавленной огромным животом. Это была поза, жуткая в своей безнадежности.

Пит присел рядом на стул, коснулся её горячей руки.

— Эй...

Дарина шевельнулась, открыла глаза. Наверное, ждала,

что он что-нибудь скажет, но какое-то тягостное чувство мешало Питу найти нужные слова, и он только таращился на неё.

Тогда она заговорила сама, тихо, с придыханием, ему пришлось к ней наклониться, чтобы расслышать.

— Спасибо, что пожалел меня, приютил... Ни за что бы не сказала, если б так не припекло меня, Пит... Ты должен знать... Это твой ребёнок... Я с той нашей ночи сразу понесла... Прости... Не хотела рожать в городе... Есть поверье, что дети мельника должны родиться на мельнице, иначе не жильцы...

Потрясённый, Пит медленно выпрямился.

— Прости! Пожалуйста, Пит! – с отчаянием выкрикнула Дарина, хватая его за руку и пытаясь заглянуть в лицо. — Тяжело умирать виноватой...

Он вскочил и в ярости отшвырнул ногой стул.

— Как ты могла уйти от меня?!

Дарина заплакала в голос. По животу прошла судорога, и она застонала от сильной боли. Пит наклонился, осторожно положил ладони на бугристый холм под влажной от пота полотняной сорочкой. Он не почувствовал движения, ребёнок больше не шевелился. Тот самый ребёнок, который должен был плескаться в бассейне. У дома, который Пит должен был построить.

...Ночь была ветреной. Повитуха под дверью зябко ёжилась, кутаясь в шаль.

— Страшно здесь. Всё? Надо бы... — Она осеклась, наткнувшись на бешеный взгляд Пита.

— Слушай, ты, — тихо сказал он. Повитуха в ужасе попятилась, прижалась широкой мягкой спиной к косяку. — Если она умрёт до того, как я вернусь, я тебя задушю. И здесь у себя закопаю. Поняла?

Повитуха молча бросилась в дом.

Как безумный, Пит побежал в долину и уже через полчаса колотился в дверь Шани. Она открыла сонная.

— А, это ты... Что случилось?

— Скорее, — задыхаясь, прохрипел Пит.

...Шани вышла на середину двора, чтобы получше рассмотреть мрачное здание с чёрными глазницами окон.

— Силы небесные... — Она неожиданно поклонилась мельнице. — Я Шани. Вот и познакомились. Ну, давай, веди, Пит.

Увидев у постели Дарины повитуху, Шани приказала:

— Воды нагрей, да побольше, лентяйка! А потом дуй отсюда, пока руки не отсохли!

Повитуха шмыгнула в кухню.

Быстро осмотрев Дарину, Шани сказала:

— Когда девочка, живот гладкий и круглый, как арбуз, а тут одни бугры. Пошупай.

— Не буду я шупать! Что ты тянешь кота за хвост? Живой?

— Сердце ещё бьётся. — Шани говорила медленно, что-

бы дошло до нервничающего Пита. — Если живот разрезать, ребёнка можно спасти. Но мать не выживет. Согласен на такое?

— Знаешь, что, умница? У меня нет титьки, чтобы его кормить!

— Ага. Злости в тебе много. Но одной злости мало. Где деньги?

— Как тебя вижу, так сразу деньги.

— А как ты хотел? Тебе нужен сын или нет?

Чертыхаясь, Пит полез в тайник под половицей.

— Сколько тебе? — спросил он, доставая остатки сбережений.

— Да не мне, а тебе, балда! Скупцы и клятвопреступники хуже всего, хоть вообще за дело не берись. Дай сюда!

Шани забрала всю пачку, разделила на две части и, поглядывая на Пита, стала добавлять к первой пачке купюры из второй. Сначала Пит молчал, стиснув зубы, потом застонал, а когда денег осталось совсем ничего, на полстены, затрясся и бросился на Шани. Она ловким движением сунула за пазуху отсчитанные деньги и метнулась к постели роженицы.

— Она говорит, он мой, — сказал Пит.

Шани, приговаривая, растирала Дарине плечи, хлопала по щекам и без усталости гладила живот, чтобы развернуть плод, лежащий поперёк природы.

— А чей же? Кровь Монца кричит о себе.

— Ты её чуешь?

— И ещё мерзкие духи, которыми ты провонялся.

Скоро стало понятно, что Дарина не хочет жить. Руки Шани так и мелькали, ребенок подавал признаки жизни, но Дарина оставалась безучастной.

— Ах ты, каменная баба, — досадовала Шани. — Чего разлеглась? Очнись!

— Возьми, — сказал Пит, подсовывая ей оставшиеся кушеры.

Она взглянула на него.

— Нет, уже не поможет. Был в тебе запал, да весь вышел. Ну-ка, сядь, а то ещё с тобой придётся возиться, ишь, позеленел, как трава. — Она кивнула на Дарину. — Есть у неё свои капиталы?

— Да откуда?

— А ты подумай. Чем-нибудь она дорожит?

Пит вскочил на ноги. Он тайком забрал серебряные ложки, что принесла Дарина, и от беды подальше спрятал в сарае за ящиком с углём. Не прошло и минуты, как он вернулся со свёртком.

Шани принялась трясти ложками над лицом роженицы, чтобы звон серебра пробудил её к жизни.

— Эй, молодка! Глянь, чем заплатил Пит, чтобы я сюда пришла! Серебро-то лучше бумажных денег будет!

Дарина открыла глаза и обрушила на Пита и знахарку поток брани. В этих краденых ложках воплотилась её месть се-

мейству бакалейщика. Она призывала на голову Шани самые страшные кары и требовала вернуть ей её добро. Пит пришибленно съёжился на стуле, а Шани только посмеивалась, с удвоенной энергией занимаясь её животом.

Но очень скоро Дарина затихла, и Шани закричала на Пিতа:

— Расселся тут! Где твоя звезда, почему не помогает?!

Как ошпаренный он выскочил во двор. Ветер гнал тучи; на небе не было ни одной звезды, ни большой, ни малой.

— Альмантар, — позвал он, глядя в чёрные небеса и понимая, что такой жалкий шёпот не достигнет звёзд. Но даже презирая себя за страх, он не смел – нет, не смел — шуметь ночью.

Рядом раздался удручённый голос Шани:

— Шепчет, шепчет... А мне-то что делать?

— Мельница гудит, — сказал Пит.

— Что?

— Я не слышал такого сильного гула с тех пор, как вырос. Ночь больно глухая. Раньше в такие ночи мельница часто погромыхивала.

Шани обрадовалась.

— А ведь это знак, Пит! Хороший знак! Твоё дитя будет жить! — Она побежала в дом, и вскоре оттуда донеслись крики роженицы.

...Пит сидит снаружи, у двери, подперев спиной стену. Оказывается, непростое это дело – роды. Он не спал вторую

ночь, смертельно устал, и ему дурно от женских криков.

Мельница гудит сильнее. Плещет вода в запруду, стекает по жёлобу в корытца на колесе и приводит его в движение. В свете факелов шустрые рогатые фигуры избегают по восходу, таскают наверх тяжёлые мешки, с грохотом сыплют из них... камни. Крутятся-вертятся жернова, бегунец по лежню. Из рукавов для отвода муки струится в ящики серая пыль, из пыли вылепляются чертенята, разбегаются, стуча копытцами, глазастые, хвостатые, как мыши. Можно упасть замертво при виде громадного кровососа, оседлавшего ограду, но Шани не дает Питу опомниться. Они бегут в дом за Дариной, несут на руках на мельницу. Красавицы-русалки обрызгивают роженицу водой из-под колеса, чтобы помочь разрешиться от бремени, а водяной, уставившись на Пита, ухает, как филин: ух, ух, ух! Грохот, крики, визг, свист! Не иначе, это Шани, ведьмачка, вызвала дождь! Время тянется, как резина, с неба хлещет, всё вокруг плывёт, гремит и трясётся!

И вдруг шум стихает – Пит проснулся.

— Сын! — В наступившей тишине голос Шани кажется Питу громом с небес. Она радостно смеётся и суёт ему в руки что-то маленькое, и оно пищит в одеяле, будто котёнок. — Эй, что с тобой?

Пит валится на землю, но прежде чем свет меркнет в глазах, видит на очистившемся небе яркую звезду.

...Шани отправилась домой через несколько дней, когда убедилась, что всё на мельнице идёт как надо: Дарина окреп-

ла, розовощёкий младенец, которого нарекли Николасом, исправно сосёт грудь, а сам Пит оправился от нервного потрясения.

— Я провожу тебя в долину, — предложил он.

— Только до калитки.

Собираясь в дорогу, Шани тщательно укуталась в платок с кистями: покрыла им голову, перекрестила на груди и узлом завязала на пояснице. Будто волшебный, платок скрыл её бесчисленные драгоценности. Она ласково попрощалась с Дариной, хлопотавшей по хозяйству, поцеловала ребёнка и направилась к воротам.

У неё была грация кошки. Немолодая и довольно грузная, она умела двигаться плавно, так ловко огибала предметы, словно в её мире не существовало углов. Пит понимал, что всё дело в мелких шажках, но всё равно была в этом какая-то магия.

Под яблоней у колодца Шани достала из-под юбок серебряные ложки.

— Она их стащила? Вижу, что ворованные, — пользы от них было. — Шани откинула крышку колодца и, поплевав на ложки, без колебаний бросила их внутрь. Всплеска они с Питом не дождались. — Глубина-то какая...

— Водяного задабриваешь? — сказал Пит, с сожалением глядя в тёмную дыру колодца. Всё случилось так быстро, что он не успел схватить Шани за руку.

— От дурных вещей избавляюсь. — Шани с любопыт-

ством подёрнула тонкую цепь, намотанную на колодезный барабан. — Крепкая. Хороший кузнец ковал, из наших. — В её словах сквозила гордость.

Пит заставил себя не думать о том, на какую часть кирпичной стены тянули *дурные вещи*. И без того на языке крутилось сто вопросов. Шани пошла к калитке, он поспешил за ней.

— Подожди! Тебе как будто нравится у меня на мельнице...

Шани хмыкнула.

— Место непростое, но хорошее. Присмотрись к нему внимательнее. Хотя бы и одним глазом.

— Знаешь, как я его потерял?

— Остановись, — недовольным тоном оборвала она. — Мне это знать не положено. А ты чего ко мне прилип, заняться нечем? Ну-ка, топай к сыну. То слова из него не вытянешь, то чешет языком, как торговка на базаре.

— Что такое *почистить мельницу*?

Она отвела глаза.

— Вот привязался... Сам думай.

— Мне нужно с кем-нибудь обсудить свои дела...

Он хотел ей сказать, что его жизнь разваливается, что нет в ней ни цели, ни смысла. Давят со всех сторон... Теперь он, считай, мельник без мельницы, а присутствие Дарины с ребёнком только всё усложняет. Но спросил о другом:

— Говорят, у меня тут полно нечисти. Правы люди или

зря болтают?

Шани смягчилась.

— Нашёл, о чём печалиться — о том, что говорят люди. Им невдомёк, что мельница — это сердце мира, место, где живут боги. И знаешь, что? Уж очень ты хмурый, Пит с мельницы. Улыбайся почаще.

Сердце мира... Какие боги? Она совсем его запутала.

— Здесь так тоскливо по ночам... Мать говорила, на мельнице чёрт живёт... боялась, что он меня утащит, не оставляла одного.

Шани не слишком удивилась, только сдвинула к переносице чёрные брови.

— Запомни, чего боишься, то обычно и случается. Ну-ка, наклонись. — Сильными ладонями она сдавила его голову и энергичным шепотом произнесла: — Аноэ, мой мальчик, аноэ!

Аноэ!

— Что это значит? – волнуясь, спросил Пит.

— *Действуй без промедления!* И ещё по-нашему это защита, хотя бы на время. Храни тебя судьба, Пит.

В нём будто разом ослабла туго натянутая струна, и сердце стало биться ровнее.

— Как мне отблагодарить тебя, Шани? — Он впервые назвал её по имени, и она заметила. — Жалко, яблоки ещё не созрели. Может... осенью?

— Ох, Пит. Надеюсь, мы больше не свидимся. Тогда я бу-

ду знать, что беды обходят тебя стороной.

И она ушла, подметая землю цветастыми юбками.

Глава 2

1

Длит вздохнула с облегчением, когда с курсов вернулась Летка — мада Лета, как теперь её называли, новая распорядительница по кухне. В доме цвели пышным цветом самые дикие цветы экономии, лелеемые Барри с попустительства Айлин; Длит обнаруживала их повсюду, но была слишком занята и рассчитывала, что Лета возьмёт на себя часть прополки.

В присутствии Барри, который повадился взвешивать отпускаемые порции, Виктория боялась саму себя и старалась не брать в руки тяжёлые предметы. И покрывалась холодным потом при мысли, что старик заметит пропажу древней медной кастрюли, которая неизвестно кому и зачем понадобилась. Последствия были бы катастрофическими...

Обнаружив утром на подносе половинку яйца и полчашки кофе без сахара, Айлин смиренно вздыхала. Лунг ездил обедать в город — Барри провожал его, как героя. Страшно представить радость старика, узнай он, что по вечерам Лунг возвращается в Спящую с карманами, полными денег. По поручению Айлин секретарь посписочно навещал заказчиков Кабошона, набивая пожертвованиями мифический «Фонд городского благосостояния».

Отлучённый от колбасы Господин Миш пошёл по прото-

рённому пути и срочно подружился с Сердитым Ваном, которого за умение долго держаться под водой звали в предместьях кто Топляком, кто Утопленным. Ван знал рыбные места и в жаркие месяцы пасся на реке. Он охотно делился уловом с Господином Мишем, наслаждаясь дифирамбами, которые так и лились из уст главного мурра. Оба отлично проводили время.

Похудевший было Господин Миш снова набрал бока – как и его беременная супруга, дохаживающая срок. Обнаружив в миске куриную печень или, тьфу, кусок лёгкого, Сантэ отправлялась в библиотеку ловить мышку.

В четвёртый день второго летнего месяца, нежась в закатных лучах на бережку возле горки рыбьих скелетов, Господин Миш непонятно как вспомнил про день рождения супруги и вскочил как ужаленный. О подарке и речи не было — добраться бы до дому, пока луна не взошла и поздравления ещё не считались просроченными. Тяжёлой рысью мурр тронулся в путь.

— Опять пустой? Хотя бы мышь подарил, – сердито сказала Сантэ, когда он вывалился из лаза в спальню Айлин.

— Хотел стихи... рифма не шла...

Стихи Господин Миш сочинял редко, но от души. *Не тревожьте кота понапрасну, без куска колбасы в рукаве...* и т.п.

— Ну, и ладно, — сразу подобрела Сантэ. Несмотря ни на что, она была рада видеть это провонявшее рыбой лохматое

чудовище. — Хорошо, что не забыл.

Окрылённый, Господин Миш предпринял то, что умел лучше всего: пометил всё вокруг и, превратив невыносимое в прекрасное, завалил спальню алыми розами. Сантэ улыбалась в усы. Только супруг вдруг неуклюже кувыркнулся перед ней через голову — раз, ещё раз... и кое-как в третий...

— Великая Мау... Что это такое? Блохи?

— Пф!

— Переел рыбы и хочешь, чтобы она улеглась в животе?

— Нет, нет... что за мысли... — Раскинув задние лапы и сидя на хвосте, Господин Миш тяжело дышал. В нечёсаной тёмной шубе серебрились мириады рыбьих чешуек.

— Ясно. Тебе что-то нужно, и ты устроил это цирковое представление, чтобы повеселить меня и задобрить.

— Я радуюсь! Что снова стану отцом! Хотел показать тебе!

— Любимый, — промурлыкала Сантэ, изнемогая от нежности. — Ничего, что он будет... как бы это сказать... сюрпризом? Что немного удивит нас?

— Чего? — насторожился Господин Миш и вдруг взвыл от страшной догадки. — Ты гульнула от меня? Ты гулящая, Сантэ? Гулящая Прекрасная? А сразу и не подумаешь! Как ты могла?!

— Дурак, — разочарованно протянула Сантэ и, вздохнув, развернулась на лежанке к окну, в которое уже глядела синяя летняя ночь.

О грустной и растерянной Цвете, после неудачного падения потерявшей память, больше всех беспокоилась Виктория:

— Ударилась так ударилась. Пирогі никакие, дома не прибрано. Хотела ей напомнить, как готовят еду, поставила рядом у плиты, но у неё всё из рук валится, смотрит, как в первый раз. Правда, у меня тоже так бывает — вдруг перестаёт удаваться то, что пекла годами... — Виктория задумалась. — Нет, всё-таки странно. Хейго молотком по голове ударили, долго лечился и — всё помнит, а она с виду здорова, а память отшибло. Гордона жалко. Ходит как в воду опущенный.

...Рано утром Длит вышла в парк Спящей. Всё здесь радовало — залитые солнцем газоны с куртинками благоухающих цветов, кувшинки в пруду, птицы, что весело щебетали и резвились в кронах деревьев. Она нашла Гордона в его любимом уголке сада, среди белых лилий, ещё покрытых росой. Понурившись, он сидел на низкой скамеечке, с которой обычно рыхлил и пропалывал землю. Пожелтевшие лилии роняли нераспустившиеся бутоны, и так же чах над ними Гордон, прежде бодрый и краснощёкий.

— Пора нам с вами поговорить, — подойдя, сказала Длит. — Мы можем где-нибудь сесть?

Он с безучастным видом поднялся и пошёл к беседке, увитой цветущими лианами.

— Без предисловий, Гордон, — сказала Длит, когда они сели на деревянную скамью. — Я узнала, кто вы, и чем вместе с ведьмой занималась ваша жена.

Он сидел, уставившись в каменные плиты беседки. Рабочая одежда была безукоризненно чистой, как и руки, которыми он так много работал с землёй.

— К сожалению, я не успела пообщаться с кошкой — что-то случилось чуть больше недели назад и она потеряла память. Поэтому спрашиваю вас: вы участвовали в её грязных делах?

— Никогда! Но откуда вы узнали, что она... замешана?

— От Кристофера. — Он смотрел непонимающе. — Хотела бы я сказать, что не воевать пришла, но вы знаете, кто я, а кошка нарушила все мыслимые запреты.

Он сгорбился, спрятав лицо в ладонях.

— Госпожа Хранитель... пожалуйста... не трогайте её. Однажды полюбив кошку с переломанным хвостом, я любил её на протяжении сотен человеческих жизней. А кого ещё я мог полюбить — в моей одержимости? Кто разделил бы со мной мою страсть? Только она, моя дорогая Мусфира...

— Одержимости вам двоим не занимать.

— Она уже ничего не помнит. Когда мы с госпожой Сантэ узнали про её делишки, я надел на Мусфиру ремешок, а госпожа лишила её памяти. — Он помянул Сантэ, надеясь, что Хранитель не пойдёт против главной мурры, оставившей отступницу в живых.

— Тот самый ремешок, из легенды?

— Да.

— Не думайте, что я побоюсь возразить Сантэ, — резко сказала Длит, в который раз досадуя, что не владеет способностью говорить с кошками. Что же между ними произошло? Расспросить бы главную мурру... — Но мы можем договориться, Гордон.

— Как? — настороженно спросил он.

— Хочу перепроверить ваш архив заклинаний, «Книгу Кошек».

Она не могла ему признаться, что после её смерти в лесу Ный браслет обнулил запасы магии и теперь приходилось собирать заклинания заново.

Гордон покачал головой:

— Я поклялся, что не выдам Книгу ни одной живой душе, только поэтому меня отпустили. И вообще, половина заклинаний из Книги известна Хранителям, я сам отдал их... злодею. — Ему не хотелось называть Ядана по имени. — Так что вы не узнаете ничего нового.

— Тогда, — медленно сказала она, — меня устроит часть Книги из невидимых заклинаний, которые вы оставили себе.

— По договору!

— У меня нет с вами договора, — отчеканила она.

Гордон был в отчаянии. Она только что объявила, что действует независимо от Ядана... Но на её руке по-прежнему браслет Хранителя и она очень опасна...

— Я отказываюсь! И предупреждаю: если вы решите меня покарать, я буду защищаться! — Прежде бледные, щёки Гордона теперь горели, на глазах выступили слёзы.

— Успокойтесь, я не злодейка, — быстро сказала Длит, встала и прошлась по беседке. — Но вы должны мне что-нибудь дать. Хотя бы те попорченные заклинания, которые утаили от своей Кошки! — Она смотрела в упор.

— Честно признаться, многие исправления я позабыл...

— Хитрите!

— Не посмею! Их тоже не отдам, — в полуобморочном состоянии отбивался он.

— Издеваетесь? Тогда зачем вы написали о них в своей истории?!

— Один человек настоял... в качестве предупреждения всем...

— Человек?

— Уважаемый чанси Лотарус...

— Понятно, — со злостью сказала Длит.

Он лихорадочно обдумывал, как разрешить конфликт с Хранителем и при этом спасти свою возлюбленную.

— Я узнал вас, как только увидел...

— Правда? — Она вернулась на скамью.

— Вы совсем не изменились... — Это было то, что надо. Он словно произнёс какие-то волшебные слова: её ожесточение таяло.

— Там не меняются. — Она покосилась на него. — А вы

другой.

У них было какое-никакое общее прошлое, и он чувствовал, что сейчас нельзя молчать, надо говорить, пока она слушает.

— Когда живёшь долго, приходится маскироваться. Я не знаю, представляете ли вы, госпожа Хранитель, как тяжело владеть магией... Ненавижу, но не могу от неё отказаться — очень страшно уйти в небытие... Кругом враги, каждый шаг может стать роковым... Знаете, я часто вспоминаю дни, когда только задумал собрать заклинания. Я был молодым, глупым и жадным. К сожалению, если человек может что-то захватить, он захватит, а если в нём ещё не умерла совесть, он легко найдёт себе кучу оправданий. Так поступал и я, внушал себе, что кошки тоже виноваты, что они сошли с ума, когда позволили людям обворовать себя и преподнесли им на блюдечке то, что сами украли у других. Но правда такова, что если бы мы с Мусфирой не написали «Книгу Кошек», не случилось бы столько драм и я прожил бы жизнь достойно, не прячась от людей, не стыдясь. Так что я заслужил свои страдания.

— Мы оба полны сожалений, — сказала Длит. Он видел, что растревожил её, всколыхнул воспоминания. — Но вы же понимаете, я здесь, чтобы преуменьшить зло.

— Да... конечно... Просто сидим тут, такие одинокие и потерянные. Обломки кораблекрушения... — Он не упустил момент, когда можно спросить больше, чем дозволено: —

Как вы смогли вырваться *оттуда*?

— Для этого пришлось умереть.

Его передёрнуло.

— Сочувствую. Несколько раз я пережил воскрешение из того, что осталось от моего тела. В этом случае живая вода хуже яда. Ужасный опыт. Но вы же можете всё бросить, скинуть с себя непосильное бремя? Уехать из Дубьюка?

— Могу.

— Тогда почему...?

— Те же цепи, что у вас.

Гордон закрыл глаза. Из непредставимой глубины времени всплыло волевое мужское лицо.

— Его я тоже помню...

— Неужели? — Она разволновалась.

— Определённо, узнал бы при встрече, — твёрдо сказал он.

— Слышали когда-нибудь, почему умирают слоны?

— Неожиданный вопрос... Нет.

— Фактически, от голода. У них истираются зубы. Однажды, ещё до нашего знакомства, *он* путешествовал по одной жаркой стране и узнал, что слониха, которая шестьдесят лет водила стадо по огромной пустыне, скоро умрёт. За долгую жизнь она запомнила все места, где могла быть вода, и, руководствуясь не только знанием, но и чутьём, вела своё стадо в нужное место и спасала. Местное племя боялось, что её молодая преемница не справится. Климат становился жар-

че, и слоны, священные для них животные, гибли всё чаще. Знаете, что он сделал?

— Что-то хорошее.

— Восстановил слонихе зубы. Отдал все свои сбережения.

— Не удивлён. Сильный человек. Глаза умные и добрые.

— Мы мечтали вернуться туда, чтобы узнать, сколько ещё она прожила, помогло ли. — Длит судорожно вздохнула и некоторое время молча глядела на порхающих птиц.

Гордон боялся пошевелиться, молясь про себя о её снисхождении.

— Что вам известно о казне ведьмы? — спросила она наконец. — О всех заклинаниях и материальных ценностях, которые она успела насобирать?

— После разговора с госпожой Сантэ я обшарил флигель и нашёл только эту карту... — Гордон достал сложенную бумагу. — Жена не опознала её, говорит, до зимы ещё далеко, а то бумажка сгодилась бы на растопку. Но мне кажется, госпожа Хранитель, что здесь отмечены... ходы мурров.

Длит повертела карту в руках.

— Но мне нужна другая, с ходами подземщиков...

— У меня только эта, — глядя в сторону, ответил Гордон.

— Что ж, человек с вашим... багажом всегда может быть полезен. Пока ваша жена не помнит, кто она, я не буду её замечать. Найдите казну ведьмы, и я позволю вам обоим уйти из Спящей. Вы же не собираетесь исчезнуть сейчас?

— Как скажете...

— И ещё. Фанни как-то обмолвилась, что вы бывали в лесу Ный, видели там чернушку.

Гордон расстроился ещё сильнее.

— Было дело...

— Значит ли это, что вы дружны со Стражем леса? С демоном, с которым не ладит никто?

Кажется, он хотел ей нагрубить, но справился с собой.

— Об этом мы поговорим, когда появится острая нужда... крайне острая...

— Я не забуду, — пообещала Длит спокойно. — А чем провинились ваши любимые лилии?

Он снова нахохлился.

— Я мнил себя великим садоводом, а оказывается, Мусфира тайком помогала мне магией...

— Полейте их! Скорее полейте свои чудесные цветы. — Длит с наслаждением вдохнула ароматы сада. — Здесь просто рай.

— Мне тоже так казалось...

— Вы же не хотите загубить эту красоту?

— Не могу на неё смотреть, если честно... Руки опускаются.

— Пусть здесь работает приглашённая бригада, а вы поезжайте к Таните и помогите там, где уж точно никто не выращивал цветы с помощью заклинаний.

Гордон оживился.

— Считаете, у меня получится?!

— Покажите, на что способен профессионал с чистыми руками. А я предупрежу Айлин. — Она поднялась на ноги.

— Госпожа Длит, — вдруг позвал он. — Что-то недосказано. О чём вы думаете?

— Ведьма и ваша кошка обвели меня вокруг пальца, вернее, мой браслет, это не даёт мне покоя. Как им удалось? Допустим, ведьму оседлал демон... А Мусфира?

— Всё просто. Она не практиковала магию в Спящей... — Гордон осёкся.

— Практиковала, конечно, — усмехнулась Длит. — Кошка жила в облике человека, а я не заметила. Нет, здесь что-то посильнее браслета Хранителя. Может, невидимое заклинание маскировки? Оно бы мне пригодилось. — Гордон услышал, но промолчал. — А вы? Что мучает?

— Она не любит меня, — сразу ответил он.

3

Младо осторожно развернул пожелтевшую от времени бумагу. Старинная, очень ветхая карта, испещрённая не то дорогами, не то ручейками, и у каждого извива дополнительный цветной контур, красный или голубой. И ни буковки. Ни единой надписи.

— Здесь ни сторон света, ни объектов, к которым можно привязать эти кривые линии. Без ориентиров этот документ бесполезен.

— Может, в этой мешанине ты разглядишь дома мурров? — сказала Длит. — Ориентир такой: в каждом доме по шесть

ходов, плюс — это секрет — один тайный.

— Понял. Попробую, но мне потребуется время, подождёте?

— Конечно.

Младо отсканировал изображение и наложил на карту Дубьюка, потом вертел и так и эдак, подбирая нужный масштаб, но в конце концов разочарованно вздохнул, откинувшись на спинку кресла на колёсиках.

— Не выходит.

Длит смотрела на карту.

— Не слишком ли много ходов? Живого места нет. А если учесть, что тут должны быть и ходы подземщиков, то вся земля в дырах.

— Вы когда-нибудь спускались в подземелья, госпожа Длит?

— Нет ещё. У них там пароли, ловушки... А что?

— Просто размышляю.

— Накидывай.

— Что мы знаем о том, как кошки перемещаются под землёй?

— Ну, у мурров свои тоннели с магической защитой... Обычные кошки тоже живут или бывают в подземельях. Что ещё?

— Диаметр кошачьих тоннелей невелик. Правда, это я узнал из книжки, что была у меня в детстве, — улыбнулся Младо.

— А что за цветные контуры почти на каждой линии, как думаешь?

— Голубым часто обозначают воду.

— Возможно... Ещё: Августа Дрём-Лис мне сказала, что склепы старого кладбища вырезаны из живых корней Древа и там всё пропитано магией...

— Постойте. Дерево? Которое будто бы стоит в лесу Ный?!

— Оно там стоит, Младо.

Он издал восхищённый возглас.

— Если из живых корней, тогда склепы точно связаны с Древом! Может, вот оно? — Младо ткнул в пустое место в центре карты. — Надо найти здесь живые корни, ведущие к старому кладбищу.

Длит задумалась. Весной Айлин рассказывала ей о Виктории и упомянула, что её отец валил железные деревья. Было в том рассказе что-то подходящее к моменту...

— А если это всё... — Она обвела карту пальцем, — корни? Не только живые, но и мёртвые? Я слышала, что корни древних, самых первых железных деревьев сгнили. Может, по ним и ходят мурры?

Младо внимательно на неё посмотрел.

— Что? — тихо спросила Длит.

— Вы видели железное дерево в разрезе?

— Доводилось. Ствол двуслойный.

— Вот! И корень тоже! Очень твёрдая внешняя оболочка, потом пористый слой... снова тонкая и прочная прослойка,

а внутри сердцевина. Кстати, когда ствол пилят, с оболочкой дольше всего возятся, она сверхтвёрдая да ещё и гладкая, её и корой-то не назовёшь, а у корня их две, оно и понятно, такую тяжесть нужно крепко держать. Ну, вот, внутренние части сгнили, а оболочки остались — получились двойные ходы. Красный контур на карте — ходы мурров, а широкая часть — ходы подземщиков! Где одно, там и другое. А голубой — наверняка вода! — Младо сиял.

— Младо, ты гений, — обрадовалась Длит.

— Нас тут двое гениев.

— Значит, мы на шаг ближе к подземщикам?!

— Когда Яр вступил в должность, он запретил лезть в под землю, но приказал собирать информацию, искать места выхода на поверхность. Я поговорю с нашими, может, успели что-нибудь разузнать. Нанесу и попробую совместить обе карты.

— Хорошо бы! Спасибо, Младо.

После происшествия с Яром Длит дважды приезжала к нему — выразить сочувствие и рассказать о неудачном походе на кладбище. И он держался неплохо. А сейчас сник, вспомнив о брате.

— Да, Яр бы помог, — поддержала Длит. — Как его жена? Лунна, вроде?

— Лунни. Пришлось устроить её в больницу. Там и уход и лечение.

— А как тебе новый начальник?

— Ге Пард? Нормальный, — искренне сказал Младо.

4

Лета вернулась и была потрясена тем, что усилиями Барри за какие-то несколько недель устоявшийся порядок в Спящей был полностью разрушен. Сначала она пыталась обсудить это с ловиссой Длит, но та была слишком занята сторонними делами, так что Лета видела её редко. Хозяйка тоже решила самоустраниться и пропадала в городском офисе. Горничные, кухонные помощницы и охранники увольнялись, на их место заступали новые, и для них ввели нагрудные ярлыки с именами. Хорошо хоть господин Лунг занимался кадровой круговертью, иначе Лете пришлось бы совсем туго.

Став главной по кухне, она сменила брючный костюм на платье — скромного фасона, но вполне элегантно; её пушистую чёрную косу господин Куафюр то скручивал в красивый узел, то сложно заплетал. Что касается манеры держаться, то эта работающая и проворная девушка невольно подражала Длит и изо всех сил старалась не потерять себя, не рассыпаться на части в хаосе, устроенном старым дворецким.

Не впервые приготовившись к неприятному разговору, она подкараулила старика в пустом коридоре. Близилось время завтрака, и Барри, конечно же, спешил на кухню, чтобы что-нибудь там проконтролировать.

— Господин Барри, вчера на ужин подавали маринованный лук с ломтиком хлеба. Даже госпоже Айлин!

— Очень хорошо, мада. Очень правильно, — кивнул Бар-

ри.

— Нет, не хорошо! Помощница по кухне уволилась, потому что не хочет чистить серебро уксусом! Даже перчаток не выдали! Вы уж извините, но на что это похоже?

— Сода подорожала, вот на что.

Спеша отделаться от настырной Леты, Барри хотел проскользнуть мимо, но она встала у него на пути.

— Вообще-то, сода и уксус — это прошлый век! Мы всегда пользовались специальным средством! Куда вы его прятали, господин Барри?

— А вы знаете, мада, какое оно дорогое?! Кажется, в этом доме никто не собирается экономить... Нет, будьте уверены, я не позволю разорить Хозяюку!

Хотя внутри всё кипело, Лета сказала как можно спокойнее:

— Хочу вас известить, что Виктория взяла отпуск за свой счёт, едет к племяннику, потому что не может работать в неподходящих условиях. Это её слова.

— Сэкономим на жалованье! – возликовал старик.

— То есть замены не ждать? А кто будет готовить?! Над нами и так уже все смеются! Почитайте, что пишут в газетах! — с отчаянием сказала Лета.

— Не читал и не собираюсь.

— *Сотрудники Спящей крепости заказывают еду на дом и едят в своих комнатах!*

— Пусть делают бутерброды из... из того, что найдут в

холодильнике.

— И что они там найдут?! Увядшую петрушку?

— Сегодня завоз, будет много продуктов...

— Одна корзина вместо десяти!

— Пустите, мада, мне некогда!

— А я как раз вас ищу, господин Барри, — раздался сзади спокойный голос Мира Багорика, выполнявшего в Спящей все ремонтные работы. Разгорячённые спорщики не заметили, как он подошёл. — Я починил те расшатавшиеся оконные рамы, о которых вы говорили. Гвоздики взял старые, поправил, и они вполне сгодились.

Старик едва не прослезился от радости.

— Ну, что за парень... Золото! — Барри резко вильнул влево и, прорвав оборону, заковылял по коридору, продолжая громко нахваливать мастера Багорика.

Лета с укором посмотрела на Мира.

— И ты туда же! Старые гвоздики...

— Не переживай, когда-нибудь это закончится. — Лета хотела уйти, но он поймал её за руку. — Подожди... Ты не ответила ни на одно моё сообщение. Приехала неделю назад, и ещё ни разу не поговорили. Избегаешь?

— Я тебе всё объяснила, Мир, — дрожащим голосом сказала Лета. — Ты не должен за мной ухаживать.

— Ростом не подхожу? Ну, да, ты теперь начальница, а я гвоздики выпрямляю, согнувшись над наковаленкой. А ты ещё красивее стала, слышишь?

Мир Багорик появился в Спящей в конце весны, и с тех пор каждая горничная пыталась заполучить этого обаятельного парня. Он не был красавцем, но отличался весёлым нравом, и у него всё горело в руках.

Её тянуло к нему. Один из её бывших женихов был намного старше, не образован, да к тому же оказался замешан в делах ведьмы. Второй смотрел в рюмку, Лета его отвадила. Родные и знакомые уже и не спрашивали, когда она выйдет замуж, и перестали пилить за разборчивость в её-то двадцать восемь.

Время шло, минута за минутой. Мир продолжал держать её за руку и говорить, как любит, как счастлив видеть. Она расслабилась, кровь прилила к лицу, когда он прижал её пальцы к губам. Обнять бы его, поцеловать, взъерошить эти рыжие кудри... В душе росла нежность. Может, пронесёт, отпустит, развеется то странное и страшное, что неизменно вставало между ними?

И вдруг нахлынуло, чёрное, — как пелена перед глазами, и сердце сжалось от смертного ужаса. Бежать... бежать немедленно! Она резко вырвала руку и ушла не оборачиваясь.

...Мир нашёл Фанни в её комнате.

— Привет, сестрёнка. Шёл мимо, дай, думаю, зайду.

— Привет! Извини, Мир, я тороплюсь... Нужно съездить по важному делу... бабушка поручила... а я никак не могла собраться... Где же наушники? Мне ещё нужно уговорить

Сантэ поехать со мной... — Фанни, высокая, тонконогая, в красивом лёгком платье, заглянула в сумочку, проверяя, не забыла ли чего, поправила у зеркала длинные тёмные локоны и беруши — она продолжала ходить в них, так как слух у неё всё ещё был острым.

Мир показал ей листок с посланием, держа его перед собой:

Есть серьёзный разговор, только нас никто не должен слышать, вообще никто. Слышал про специальную комнату.

Перед такой интригой никто не смог бы устоять. Фанни моментально отложила все свои дела. В переговорной звукоизоляция была нарушена, но она кое-что придумала, достала из сумочки деревяшку и по-заговорщицки кивнула на дверь.

— Ладно, поезжай по своим делам, — громко сказал Мир.

— Ага! Увидимся.

Приёмная была пуста, так что они беспрепятственно проскользнули в кабинет Айлин. Фанни хотела выдвинуть верхний ящик стола, но передумала и сначала задействовала деревяшку.

— Бабушка, привет, это я... У тебя была запасная деревяшка... Нет, я не шарюсь! Ты сама про неё говорила! Можно мне взять? Насовсем... Очень надо, да! Спасибо! Я уже собираюсь... Пока! — Фанни поспешно отключилась, пока

Айлин не передумала, а потом извлекла из ящика деревяшку, о которой говорила с Айлин, и вручила её Миру.

Само собой, он никогда раньше не пользовался этим видом связи, но оказалось, что всё предельно просто. Когда Фанни назвала его по имени, он почувствовал слабый толчок в грудь и поднес деревяшку к уху.

— Ну, вот, нас никто не услышит, — сказала Фанни.

Мир сходил к двери и запер на защёлку.

— Даже так?

— Это не шутки, принцесса.

— Долго говорить нельзя, так что давай по-быстрому.

— Если по-быстрому, то вот.

Мир открыл свою тяжёлую сумку с инструментами, достал какой-то предмет в тканевом футляре, сильно потрёпанном, с масляными пятнами, а из него вынул и положил на стол второй футляр, прямоугольный, старый и, похоже, из железного дерева.

— Что это?

— Помнишь, ты говорила, что нашла в Перевернутой книге упоминание о Багориках? Всё спрашивала, почему мы там записаны...

— Ты согласен стать наследником?!

— Нет! Слушай дальше. На протяжении тысяч лет мы, Багорики, храним одну особенную вещь и должны отдать её тому, кто находит Рейна.

— Находит Рейна?

— Чувствует его творения! Ты нашла меня, нашла Рейна, понимаешь? А я понял, что должен передать его тебе. Я не могу быть Хозяином мурров, это не для меня, но есть и другая причина: этот Рейн меня не слушается, не узнаёт. А тебя узнает.

— Нет-нет-нет! – страшным шёпотом сказала Фанни. – Убери и не подсовывай! Исключено!

— Да постой, Фанни... Всё указывает на тебя. Ты Монца, раз! Ты находишь артефакты, два!

— Я нахожу неприятности!

— Иглы Фэрвора сделал Рейн, очки Кристофера сделал Рейн, Огнестрел сделал Рейн! Тебя так и манит к Рейну! Я, как понял, чуть в обморок не упал!

— Это что, Огнестрел Рейна?! Да мне вообще нельзя ничего такого давать в руки! Я взяла у Вилявы *эту вещь*, какую-то паршивую бумажку с несколькими знаками, и что из этого вышло? Иглы нашла, чуть людей не отравила! А за машину времени, я думала, ловисса прийдёт меня прямо при бабушке...

— И ничего страшного не случилось, ты никого не отравила! А от путешествий во времени больше вреда, чем пользы, так что тебе ещё должны спасибо сказать! Иглы и очки были проверкой, судьба тебя готовила к этому! – Мир легонько похлопал по футляру. – Слушай, давай на всякий случай не будем произносить слово *Огнестрел*, чтоб потом не проговориться? Назовём его как-нибудь — *футляр*, может?

— По-твоему, мне в жизни предназначен... *футляр*? Ты что, не понимаешь? Я из него тут же пальну в кого-нибудь — *из добрых побуждений*!

— А ты не принимай опрометчивых решений! Ты меня не случайно нашла, — не сдавался Мир.

— Да, не случайно... Нас дедушка Ричард познакомил...

— Ты что, не рада?

— Рада, — несчастным голосом сказала Фанни.

— Если ты, сестра, меня не освободишь, не будет мне в жизни счастья... Лета меня боится, чувствует разрушительную силу *футляра*, его тёмное и опасное начало. Самое обидное, что я ей, вроде, нравлюсь. За что такая невезуха, Фанни?!

— Зато мне повезло... Летка спасла меня и ещё двадцать человек. Мартон говорил, если б не она, я бы уже за периметром пододеяльники шила, беззубая.

— Жить без неё не могу, понимаешь? Ты же сама хотела, чтоб я женился!

— Но не за мой счёт! Надо отключиться на время, а то загоримся...

— А как?

— Вот так. — Фанни провела ладонью по деревяшке. — Или просто скажи: «Отбой».

Они разошлись по углам, Фанни плюхнулась в зелёное бархатное кресло, Мир на зелёный диван. Короткий, но эмоциональный разговор отнял у обоих много сил.

Из кошачьего лаза неожиданно выбралась Сантэ. Запрыгнув на стол и обняв футляр с Огнестрелом, она спокойно разлеглась на бумагах.

— Видишь, главная мурра не возражает, – сказал Мир, вызвав Фанни по деревяшке, и вернулся к столу. – Давай кое-что проверим. Сейчас я положу руку на *футляр* и докажу, что он равнодушен к моим прикосновениям. Смотри, ничего не происходит. Знаешь, почему? Слишком жидкая кровь для того, чтобы я мог считаться настоящим Монца. Мне кажется, *футляр* потому и передали Багорикам на хранение. А теперь ты. Клади руку.

— Да он сразу полдома отфутлярит!

— Нет! Меня инструктировали, я знаю, как он работает. Не бойся, Фанни. Ну, неужели тебе не интересно?

— Представь себе! А ещё мне не интересно и страшно ехать к человеку, которого я чуть не убила.

— К кому это?

— К хозяину оптики.

— Подумай о моей просьбе, ладно? Можешь хотя бы попробовать?

Оба вдруг заметили, что Сантэ внимательно смотрит на Фанни.

— Видишь, она точно одобряет! – убеждённо сказал Мир. – Ну, давай, Фанни!

Всё ещё колеблясь, Фанни положила ладонь на футляр, и на его поверхности, засияв огненно-красным, отпечатались

её пятерня. Крышка плавно открылась, внутри лежал узкий чёрный брусок с равными гранями, чуть длиннее и толще молотка.

Склонившись, они рассматривали грозный и таинственный Огнестрел Рейна. Фанни читала про него в легендах и сейчас подумала: на вид просто палка, а ни один враг не уйдёт...

— Ух ты, какой красивый, — восхитился Мир. — Тоже из железного дерева, вот почему он такой тяжёлый. Представляешь, я первый из Багориков его вижу. Не зря ты меня называла Багориком Первым.

На верхней грани Огнестрела постепенно проступали буквы, и вскоре засияли слова. Фанни нахмурилась.

— Я как раз учу древне-огастинский.

— Как удачно! И что тут написано?

— *Увидишь — и стреляй не целясь.*

— Правильно! А знаешь, почему можно не целиться?

— Из него не промахнёшься, — мрачно сказала Фанни.

— Точно! Выходное отверстие с того конца. Посмотри на врага, скажи или подумай: «Огонь!» — и *футляр* выстрелит!

— А ты чему радуешься? Я только попробовала, а брать не собираюсь!

— Можно использовать по-другому. Вот ещё три слова.

— *Неприятность. Рана. Смерть,* — перевела Фанни.

— В ствол можно ничего не класть, оружие всё равно сра-

ботаешь. Но если хочешь, засунь, конечно. Пулю, там... да хоть горох. А потом приложи палец к нужному слову, чтобы выбрать степень поражения. Видишь, не обязательно футлярить, можно только покалечить.

— Заманчиво. Прямо руки чешутся.

— Я его таскаю с собой в инструментах, лучшего тайника не найти. Заодно мышцы накачал. Но у тебя пальцы сильные, ты его легко удержишь на весу.

— И не подумаю! — взвилась Фанни. — Хватит с меня ваших окуляров и футляров!

— Осталась последняя проверка. — Мир попытался вытащить Огнестрел свободной рукой, в другой он держал деревяшку, но его будто током ударило, рука повисла как плеть, и он закричал от боли. — Сработало... Чужой не возьмёт...

Фанни в ужасе захлопнула крышку, красные буквы погасли.

— Идём к доктору, быстрее!

— Ничего, оклемаюсь... бывало и хуже... — Мир скрипел зубами. — Просто дай мне минутку.

Она усадила его на диван, смочила водой из графина носовой платок и протёрла ему лоб, на котором выступили крупные капли пота.

— Прости, что разочаровала тебя, Мир. Оставь себе деревяшку, вещь полезная, в отличие от этой штуки... — Фанни отключилась.

Она положила футляр и деревяшку в сумку с инструмен-

тами. Больше они не проронили ни слова. Когда Миру полегчало, он ушёл.

Фанни рухнула в кресло и посидела, страдальчески глядя в пространство перед собой.

— Коша, — позвала она. Успевшая задремать Сантэ удивлённо мяукнула. Серо-голубая, пушистая, с кисточками на ушах, она выглядела очень милой и домашней. — Обычно мы с тобой... я с тобой... не очень лажу... Прости, что пнула когда-то... Не могла бы ты помочь мне в одном важном деле? Можно, я возьму тебя на руки, и мы съездим в больницу? А потом я выполню какую-нибудь твою просьбу, только не слишком трудную. Ты согласна?

Так вышло, что на следующий день после разбирательства с Кристофером Фанни заглянула в кабинет к Айлин и узнала неожиданную новость.

— Честно говоря, я даже рада, — говорила Айлин. — Вчера не могла на него смотреть, он внушает мне ужас.

— Ты о ком, бабушка? — изумилась Фанни.

— О Кристофере.

— Почему? Что он сделал?

Айлин пришлось кратко рассказать о Цвете и целях, с какими та посылала Кристофера в будущее.

— А сегодня не можем его найти, ни здесь, ни дома, — подытожила она.

Фанни слушала замерев.

— Списки жертв из будущих маньяков и убийц?!

— Не характерно для ведьмы, правда? — сказала Длит. — Ей выгоднее приносить в жертву невинных, а в живых оставлять всяких уродов, для приумножения зла на земле. Явно был достигнут компромисс между ведьмой и тем, кто может брать на себя ответственность за такие решения – выбирать, кому умереть.

— Кто же разрешил ей убивать детей? С кем она договори́лась? – спросила Айлин.

— Не знаю. Я злюсь на себя. Хотела поговорить с Кристофером наедине, но отложила на потом. Вижу, что напрасно. Как сквозь землю провалился, гадкий пацан. Не мог он забыть о раскрытой тайне, врал нам в глаза.

— А я поверила, — расстроено сказала Айлин.

— И сейф. Котас говорит, он был сверхнадёжным. Но код всё равно взломали.

— Почему это важно, Длит?

— А вдруг у него Ключ Рейна? Артефакт, который может открыть любую дверь!

— Мы окружены Рейнами, — пробормотала Фанни.

Но она почувствовала облегчение. Трудно испытывать острое чувство вины перед человеком, который был пособником ведьмы.

...Хейго поставил в багажник большую корзину с фруктами, а Фанни с Сантэ на руках села сзади. Бабушка согласилась, чтобы он отвёз Фанни в больницу, поскольку безоговорочно ему доверяла.

— Едем, госпожа Фанни? Вы хорошо устроились?

— Да-да... — Фанни положила мурру на сиденье, та свернулась клубочком. — Нет, подождите! Можно с вами поговорить по дороге?

— Конечно.

Фанни пересела вперёд.

— Господин Хейго, нам обоим досталось от Флавии, а ещё вы нашли меня и вынесли наверх, когда я скатилась с лестницы. Пожалуйста, обращайтесь ко мне по имени и на ты. Я вас очень прошу.

— Попробую, — сказал Хейго, трогаясь с места. — Хотя непривычно, конечно...

— А можно мне говорить просто Хейго, без *господина*?

— Даже нужно.

— Спасибо! Знаете, я боялась ехать в больницу к господину Котильону, откладывала несколько раз... Мне снятся плохие сны. Будто я захожу в палату, а кровать пустая... понимаете? Или он там, но говорит мне: «А, пришла, гадина?»

Хейго поперхнулся.

— Он этого не скажет. Культурные люди так не выражаются.

— Он сейчас не культурный, а больной, пострадавший по моей вине...

— Всё будет хорошо. А как мурра согласилась с вами ехать?

— Господин Лунг навёл справки и узнал, что господин

Котильон всю жизнь мечтал увидеть Сантэ вблизи. Я её попросила. И вас тоже! На ты!

— Забыл. Извини, Фанни.

...В отделении медсестра в белом халате повела их по коридору. Фанни несла Сантэ, а Хейго корзину с фруктами. Больные высыпали из палат. Сантэ царственно посматривала вокруг и жмурилась от удовольствия, принимая восхищённые возгласы как должное.

— Почему сюда? – спросила побледневшая Фанни, когда они подошли к двери реанимации.

— Утром господину Котильону внезапно стало хуже, госпожа Монца, – сказала медсестра. — Вы войдёте? Или передумали?

— Конечно, войдём, — ответил Хейго за Фанни, которая залилась слезами и не могла говорить.

— Только там, пожалуйста, не плачьте.

Котильон лежал забинтованный, с закрытыми глазами, во рту была трубка от аппарата, подающего кислород. Едва Фанни подошла к высокой кровати, Сантэ неожиданно прыгнула с её рук и легла, прижавшись пушистым телом к Котильону.

Больше двух часов Фанни с Хейго провели в палате, пока Сантэ мурлыкала. Когда больной открыл глаза, то выглядел не только здоровым, но и счастливым — ведь рядом с ним сидела и умывалась самая восхитительная кошка на свете.

Кризис миновал.

...Фанни перенервничала и устала, но её ждало ещё одно испытание. У кованых ворот на въезде в Спящую, возле будки с охранниками, был припаркован автомобиль Дрём-Лисов, на котором возили в школу Стину. Сама Стина, в ярко-жёлтом платье и босоножках того же цвета, стояла рядом. День был жаркий, и её мелкие светлые кудри были стянуты на макушке серебристой лентой.

С обычной своей насмешливо-презрительной миной она уставилась на Фанни, которой пришлось опустить стекло.

— Поговорим, Монца?

Фанни вышла из машины. Стина распахнула дверцу своего автомобиля – на заднем сиденье расположилась Вилява Выход, в красной футболке с оборками и стопкой тетрадей на коленях, обтянутых лосинами.

— Привет, — сказала она, с тревогой глядя на Фанни. — Ты не поможешь с примером? Мне тут задали, котский ад, а с ответом не сходится. А я так люблю математику!

— У нас же каникулы, кто тебе задал? — сказала Фанни, у которой неприятно засосало под ложечкой.

— Наша математичка, — пояснила Стина. — Нанята репетитором на лето. Неделя прошла, а она уже рыдает и всем рассказывает, что Вилява не может доказать ни одной теоремы.

— Просто она плохо объясняет, — расстроено вставила Вилява.

— Говорит, как это возможно — абсолютно ничего не по-

нимать, но любить? — продолжала Стина.

— Обыкновенно, — буркнула Фанни. — Так бывает. Любишь и не знаешь, за что.

— Из личного опыта, Монца? — захихикала Стина, не забывая при этом жадно разглядывать платье Фанни. — Лучше бы ты ей мозгов добавила или памяти, а то таблица умножения по-прежнему на нуле.

— При чём здесь я? — Голос у Фанни дрогнул.

— Да ладно, — протянула Стина. — Я не ругаться пришла.

— Возьму ручку.

Фанни обошла автомобиль и открыла его с другой стороны, чтобы Стина не увидела Сантэ.

— Хейго, у вас нет ручки? — Хейго полез в бардачок. Разбудив кошку лёгким прикосновением, Фанни шёпотом, чуть не плача, сказала: — Сантэ... Поможешь мне ещё раз? Пусть Вилява разлюбит математику, а я обещаю, я всё-всё для тебя сделаю...

Мурра посмотрела ей в глаза и беззвучно мяукнула.

Фанни вернулась, но Вилява, вдруг увидев у себя на коленях тетради, рассердилась:

— Фу... Чего это? — и смахнула их на пол.

— Договорилась с Сантэ, Монца? — ухмыльнулась Стина. — Я знаю, что ты ездила с ней в больницу. Так мы в расчёте? Больше не дуешься... ну, за тот случай? А то мать меня запилила, чтоб я к тебе съездила.

— В расчёте, — проронила Фанни, усаживаясь рядом с Хейго.

— Стой! Бумажные пакеты не выйдут из моды в новом учебном году? Или запастись чем-то другим? Никому не скажу!

— Сумки компании «Кот так кот». Каждый день разные.

— А сколько сумок покупать? — обеспокоенно спросила Вилява. — Выходные считать?

— Считай. И всё умножь на один. Если сможешь, — процедила Стина, недовольная тем, что Вилява слышала про сумки и теперь всем растрезвонит.

— Я не тупая, — обиделась Вилява. — Я учила эту... как её?

Глава 3

Дарина нашла в кладовой альбом и пришила к кухонной стене самые интересные фотографии: Пит в детстве, Марион и её подруга – они часто фотографировались вместе. Одну особенную фотографию Дарина нашла перед родами, под кроватью в комнате Пита, когда выметала щёткой пыль. Сунула в книжку и забыла, а сейчас добавила к коллажу на стене.

Вернувшись вечером с работы, Пит дольше всего рассматривал этот пожелтевший снимок – на нём стояли в обнимку юные и счастливые родители Пита.

Пит неуверенно сказал:

— Отец...

— Да. Одно лицо. Вы все похожи. Николас тоже.

Позже Пит уменьшил фотографию, обрезав по краям, и всегда носил с собой.

— Давай сфотографируемся втроём? — предложила Дарина, когда сели ужинать.

— Зачем?

Она смутилась.

— Я здесь, и у нас ребёнок... Мы можем стать настоящей семьёй... Ты же простил меня?

— Наверное. Но я больше ничего не чувствую, — сказал Пит, выгребая ложкой кашу с тарелки.

— У тебя другая?

— Прекрати.

— Когда Николас родился, я поняла, как сильно я тебя люблю... — Дарина краснела, выдавливая из себя слова. — Это правда... Так люблю, что душа поёт от счастья... это какое-то невероятное, пронзительное чувство... Я словно на крыльях летаю...

Пит воззрился на неё. Он отрастил до плеч волнистые светлые волосы, а пустую глазницу закрывал свёрнутым в несколько раз платком матери — прежнюю повязку потерял на кладбище.

— Послушай... всё кончилось, когда ты ушла. Мой мальчишка мне дорог, вы всегда можете на меня рассчитывать. Но любви между нами, между мной и тобой, не будет. Семьи не будет.

— Может, если ты вспомнишь, как нам было хорошо вместе, Пит... — жалко улыбаясь, сказала Дарина.

— Я не стану тобой пользоваться, — отрезал он. — Я не Юрас.

— Что во мне не так?! — в слезах закричала Дарина. — Я уродина?! Я плохая хозяйка?!

— Нет. Просто сейчас для меня все женщины чужие и одинаковые. Я даже лица матери не могу удержать в памяти. Не жди меня понапрасну, найди другого.

Она убежала в комнату и закрылась, чтобы он не видел, как ей больно.

Она знала это с первого дня, как пришла сюда. Он ничего не обещал. Придя с работы, смотрел мимо, не слишком-то за неё волновался, и разговор всегда начинала она. Она даже не помнила, чтобы он хоть раз назвал её по имени. Это всё её глупое сердце, мечты и фантазии... Говорят, у женщин после родов всё на пределе. Но как ей справиться с этим? Как пережить?

Я не нужна ему, не любит, пожаловалась она кошке — больше было некому. Кошка выглядела заинтересованной, и Дарина рассказала ей историю их с Питом любви. И ещё попросила не попадаться ему на глаза.

— Если кошка придёт на мельницу, гони, чтоб духу её здесь не было, — как-то раз сказал Пит довольно враждебно.

Кошка поняла. Если Пит оставался дома, она не выходила из лаза, сидела там и ждала, затаившись, когда Дарина незаметно сунет ей кусочек мяса или рыбку. Блюдце для молока тоже пряталось. Эта понятливая чёрная кошка полюбила маленького Николаса, часто спала с ним, прижавшись всем телом, и каждый раз приносила на порог мёртвую мышку. Дарину это умиляло, она сметала кошачий дар на совок не сердясь, а улыбаясь.

Судя по всему, Белоголовка ходила там, где её не привечали, потому что часто являлась расцарапанная. К старым открывшимся ранам добавлялись новые; обрабатывая их, Дарина обнаружила, что чёрное тельце испещрено глубокими шрамами, — похоже, жизнь у кошки протекала бурно и ин-

интересно. Не то что у неё...

Кошка не сопротивлялась лечению и больше всего любила, когда Дарина с ней нежничала:

— Ой, кто это?! Красавица моя пришла! Где была моя кошечка, что она делала? А у кого такой красивый хвостик? А глазки? А мордочка?!

Кошка в бешеном восторге каталась по полу и подвывала, словно поддакивала: да, да, я красавица! Было занятно, Дарина тихонько смеялась. Потом она нашла в закрытом буфете осколки кувшина и трёх тарелок. Чайные чашки тоже пострадали: однажды кошка разбила при ней одну и получила веником. На другой день снова разбила, но уже нахально глядя Дарине в глаза. Дарина инстинктивно зашипела на неё; кошка подбежала и принялась ласкаться, играть, покусывая ей пальцы. Битьё посуды на время прекратилось, а когда кошка взялась за старое и попробовала лапой сдвинуть чашку к краю стола, Дарина не глядя строго сказала:

— Оставь это.

И кошка послушалась.

...Что-то в ней надломилось после разговора с Питом. Ушла радость, мельница постепенно становилась чужим местом. Выходя во двор, Дарина озиралась, ей чудилось, что за ней кто-то следит. Старый расшатанный дом скрипел дверями и половицами, а потом внезапно наступала тишина, и даже воробьи прятались, не скакали весело по двору, развлекая её и Белоголовку. Вечерами, когда Пита долго не было с

работы, Дарину снедали тоска и тревога. И хотя после родов она легко справлялась с домашней работой, готовила, стирала, нянчила ребёнка, её стало лихорадить, она чувствовала себя больной и чего-то боялась. Чего-то непонятного, таившегося за сараями, или на мельнице, или, может, под кроватью... Это от одиночества... я с ума здесь сойду, думала она, глядя на мрачную громаду мельницы.

Приходил тринадцатилетний братишка Дарины Барс, принёс весточку от матери – та очень хотела, чтобы Дарина вернулась домой, но отец пока возражал. Вечером Пит обрадовался, узнав, что, возможно, Дарину скоро примут дома.

— Сама-то хочешь домой? – Но мог бы и не спрашивать — Дарина светилась от счастья. — Я твои ложки достану, продашь, если будет совсем туго с деньгами.

— Из колодца? – ужаснулась Дарина. – Не надо, Пит! Я всё равно их никому не продам... у меня же будут проблемы... Я не для продажи забрала, а чтобы отомстить... Теперь понимаю, что вела себя, как дура...

Но Пит не слушал.

— Да, правильно, тебе продавать опасно, я сам, у меня есть ходы. Надо торопиться, пока солнце не село. — И он решительно зашагал к колодцу.

Дарина бросилась за ним.

— Ну, что ты делаешь?!

— Всё будет хорошо, — заверил Пит, раздеваясь до трусов.

— А если цепь оборвётся?!

— Шани сказала, её ковал кузнец из нижних, а этим ребятам можно доверять. Чтобы не нервничать, стой и считай. — Он откинул крышку, заглянул в колодец и сбросил ведро. Колодезный ворот завертелся с ужасающей быстротой. Ведро с глухим звуком шлёпнулось о воду глубоко внизу. — При счёте, э-э, триста я уже буду здесь. — Пит сел на край колодца, свесил ноги и ухватился за цепь.

— Раз... — прошептала Дарина. — Два...

Пит вылез, когда тёмный двор освещали луна и звёзды. Дарина с застывшим взглядом стояла у колодца, её трясло.

— Две тысячи... семьсот двадцать шесть, — сказала она и с глухим рыданием бросилась на Пита, но сил не осталось, и она лишь слабо ткнула его кулачками в грудь.

— Прости, — виновато сказал он, обняв её, а потом принялся крутить ручку барабана, наматывая цепь. У него зуб на зуб не попадал. — Ребёнок надрывается, не слышишь?

— Где ты был?! Я думала, что ты уже... уже...

— Ложки в ведро сложил и вдруг увидел проход, боковое ответвление вроде канала, интересно стало, туда поплыл...

— Ну, конечно, поплыл! Интересно же! Всё понятно!

— Тише, не кричи... ночь уже... Пошли скорее, горячего чаю хочется. — Пит достал из ведра ложки и, захватив одежду, повёл Дарину в дом. — Знаешь, там в канале вода чистая-пречистая, какие-то светляки плавают, и совсем не темно. Я и поплыл на свет. А когда лез обратно, глянул вверх.

Смотри, сейчас звёзд много, а снизу я видел только одну, наверное, свою Альмантар... А светляки — это звёзды в колодец нападали, — пошутил Пит, чтобы разрядить обстановку.

— Говорят, из глубокого колодца звёзды видны и днём, — сказала Дарина и, словно очнувшись, бросилась в спальню, откуда доносился детский плач.

... Через несколько дней приехал Юрас с друзьями. Дарина как раз вышла забрать молоко и сметану с творогом, которые молочник привозил по утрам на грузовичке и оставлял у ворот, — внутрь он заходить боялся.

— Эй, воровка! — издалека развязно закричал Юрас, развалившийся за рулём ярко-красного автомобиля с откидным верхом. Он ещё сильнее раздобрел, рядом с ним сидела вульгарно накрашенная девица. — Неси мои серебряные ложки, уголовница!

О ребёнке он даже не спросил.

Дружки поддержали его громким гоготом и криками: *залезла к мельнику в постель, пошла по рукам...* Прозвучали и прочие гадости, в устах приличных людей немислимые.

От неожиданности Дарина не нашла, что сказать. Она молча наклонилась, чтобы взять бидон. Перед глазами всё плыло.

И вдруг вопли стихли — Юрас и его приятели чего-то испугались, глядя поверх Дарины на каменный забор, окружавший поместье. Девица взвизгнула, Юрас шикнул на неё, дал задний ход и умчался — только пыль поднялась столбом.

Дарина отошла от ворот на несколько шагов, чтобы рассмотреть забор, но не заметила ничего подозрительного. Солнце слепило. Щурясь, она обвела взором окрестности. Картины были мирные, безмятежные. Синее небо куполом накрывало зелёные холмы и сверкавшую за ними реку. Над городом вдалеке плыло марево, обещая жаркий день.

Надо успокоиться, а то ещё молоко пропадёт, подумала она, стараясь унять сильное сердцебиение. Может, кошка? Увидели Белоголовку и перетрусили, дураки...

Ночью Николас раскричался. В последнее время он стал беспокойным, часто плакал, и Дарине приходилось постоянно носить его на руках, так что к концу дня она чувствовала себя вымотанной. Пит злился, потому что крики младенца доносились до его комнаты, мешая спать.

— Это и твой ребёнок, между прочим! — однажды не выдержала Дарина. — Мог бы встать и пелёнки ему сменить!

С того дня Пит стал принимать участие в ночных укачиваниях. Вот и сейчас скрипнула дверь, и, осторожно ступая, Пит вошёл в комнату. Плач прекратился.

— Спасибо, Пит, — сонно прошептала Дарина, оторвав голову от подушки, и оцепенела.

Это был не Пит. Посреди тесной спальни Марион стояло невысокое согбенное существо. Падающий из окна лунный свет серебрил его покрытое редкой шерстью тело и морщинистую кошачью морду с седыми усами, похожую одновременно и на человеческое лицо. Существо баюкало в лапах её

Николаса.

Вскрикнув, Дарина лишилась чувств. А когда очнулась, в комнате никого не было, Николас спал в кровати.

— Тебе приснилось, — сказал Пит, выслушав рассказ о ночном посещении. — Привиделось.

— Нет! Говорю тебе, это был старый чёрт, похожий на кота. А если он ребёнка утащит?!

Пит поддался её уговорам и не пошёл на работу, понянчился с сыном. Он помог Дарине развесить во дворе бельё; она исподтишка наблюдала за ним и видела, что ему тоже не по себе. Он не смотрел на мельницу и поворачивался к ней спиной, а на ночь запер входную дверь. Дарина настояла, чтобы он ночевал с ними в спальне Марион. Тогда он принёс матрас и постелил себе на полу.

— Не глупи, Пит... Кровать широкая, ложись со мной... Я не буду приставать...

— Так я и поверил, — проворчал Пит и лёг на пол.

За завтраком он обеспокоенно спросил:

— Где ложки? Не могу найти. Я договорился, купят.

— Я их выбросила, — решительно ответила Дарина. — Ещё не хватало, чтобы нас привлекли. — И, игнорируя его возмущение, ушла кормить ребёнка.

Днём она обнаружила, что ложки выкопаны из каменной грядки, куда она их потихоньку зарыла. Земля была раскидана, и несколько ложек валялись под ногами, не заметить их было невозможно. Дарина собрала ложки, нашла спящую в

кроватке у Николаса Белоголовку и первым делом рассмотрела её лапы. Они были в земле. Кошка безмятежно потянулась, когда Дарина её растормошила.

— Ты зачем это сделала? – тихо, чтобы не напугать ребёнка, спросила Дарина и сунула кошке под нос грязные ложки. – Хочешь погубить нас? Ты кто такая, а? Самая хитрая?!

Кошка скользнула на пол между прутьями кровати и спряталась под ней, а когда Дарина стремительным шагом вышла из спальни и направилась к колодцу, побежала следом.

Дарина откинула крышку колодца и швырнула ненавистные ложки в воду. Она проследила их полёт, выпрямилась и уткнулась взглядом в сидевшую на краю колодца Белоголовку. Кошка не мигая смотрела на неё. Дарина слегка наклонилась вперёд, уставившись в жёлтые кошачьи глаза.

— Достанешь их оттуда? Или скажешь Питу? – И она зашипела, вложив в голос всё своё недовольство: — Ш-ш-ш-ш!

Кошка спрыгнула на землю и упала на спину в полном раскаянии: лапки трясутся, хвостик поджат.

— Не бойся... Я не сержусь... Знаю, ты не нарочно, — оттаяла Дарина. – Ты моя красавица...

Ближе к вечеру, как всегда перед приходом Пита, кошка исчезла. За воротами раздался свист – Дарину вызывал Барс. Светловолосые брат с сестрой были похожи друг на друга и дружны, и Барс тоже переживал за неё.

Он передал ей гостинцы от матери и поделился у калитки последними новостями. Новости были плохие.

— Пит в пивной рассказывал, что Николас его пацан. Рыжеух сразу всей улице доложил. Отец злой, сказал, раз так, пусть живёт у мельника. Мамка всё время плачет.

— Я так скучаю по ней, — глотая слёзы, сказала Дарина.

Пит обходился без телефона, а телефон Дарины растоптал Юрас в день, когда она ушла от него. Впрочем, от телефона не было бы толку — на мельнице не ловился сигнал. Общались Дарина с матерью через телефон Барса, на который записывали друг для друга видео.

— Даринка, Юрас болтает, что ты украла у них ложки и он написал заявление. Я вчера его подкараулил, пульнул камнем, прямо в рожу попал. Там не рожа, а сковородка, и захо-чешь, не промахнёшься. Визжал, как свинья. — Барс сплюнул на землю.

— Он тебя видел?!

— Нет. — И Барс мстительно добавил: — И ещё получит!

— Барсик, не связывайся! Прошу!

Они обнялись, и брат ушёл.

Глава 4

1

Айлин просыпалась рано, ещё затемно, и до рассвета лежала в мучительных раздумьях. Слишком тревожащими были события последних недель.

Яр погиб на треклятом кладбище, где воскресили печальника или кого-то другого. Его смерть не должна быть бессмысленной и остаться неотомщённой, или он никогда не уйдёт из её снов и будет являться ей до конца жизни. Она встретила в психбольнице его жену — в кресле-каталке, на голове что-то намотано, в жару на ногах высокие сапоги. Бедная, она совсем тронулась с горя...

Они ни на шаг не продвинулись в объяснении событий на кладбище, полиция с её дорогостоящими информаторами была бессильна, а Баз подлю исчез после встречи, на которой Айлин пыталась выяснить у него последние слова Яра. Он не отзывался на её истерический трезвон по деревяшке — он, посредник между Хозяйкой мурров и людьми с той стороны, из враждебного лагеря! Это сильно напоминало объявление войны, и, как бы ни бодрилась Айлин, душа её ныла. О том, чтобы начать наступление на подземщиков, речь не шла — у неё просто не было возможности. И очень расстраивало, что поиски Эдама зашли в тупик.

Дни стояли жаркие, в верхнем городе и в предместьях

случались пожары, но нынче как-то особенно часто. Были и другие приметы неблагополучия. В молочные чаши стали подбрасывать мясо. Двоих хозяев, не вовремя вышедших во двор, задушили демоны-молочники. На прошлой неделе встала одна линия кошачьих фуникулёров. Ремонтная бригада из Ассоциации обнаружила, что возки набиты камнями и не в состоянии перевозить такую тяжесть. Виновных так и не нашли. Газеты были полны упаднической чепухи. Как будто больше не о чем писать, злилась Айлин, как о битой посуде, сглазах и увеличившихся продажах берегов!

Неожиданно начал светиться Клык. Лунг привёз свежие фотографии, которые они долго сравнивали с последними, а потом вместе съездили ночью, чтобы убедиться, что так и есть, что чёрная поверхность Клыка усеяна мерцающими точками. Айлин не могла пересекать условную линию, отделяющую Дубьюк от внешнего мира и подойти к Клыку; тогда пошёл Лунг и потрогал его, но никаких других изменений, кроме свечения, не обнаружил. Памятник её собственной глупости оставался твёрдым, холодным и загадочным. Общественность, конечно, сочла метаморфозу Клыка плохим знаком, предрекающим череду неприятных событий; Айлин принялась вызванивать брата, но, как всегда, безуспешно. Наверное, стоило поискать Шутников, которые возвели Клык, выторговать у них объяснения насчёт свечения... Только как снова не вызвать гнев Ричарда? Тут же явится и набросится с обвинениями!

Без согласования с ней Ге Пард, которого вместо Яра назначили начальником городского полицейского Управления, родной брат мэра, собрал несчастных родителей и известил их, что пятерых детей похитили, чтобы сделать шпионами, а семнадцать увели в пустыню, чтобы они спасли Великую Мау. В результате пришлось вызвать несколько «скорых». Айлин сообщили о собрании в последний момент, но она, в полном замешательстве, приехать отказалась, предоставив братьям Пардам выкручиваться самим.

Это был малодушный поступок, но перед этим она долго думала и пришла к выводу, что когда вместо фактов лишь домыслы, обнадёживать родителей преступно, объяснить сложно, утешить тем более. Но что случилось, то случилось. В конце концов, все знают, в каком месте живут, — в любой момент можно попасть в жернова магии или жестокой реальности.

На следующий день трое делегированных родителей пришли в Спящую и потребовали показать им картину с Великой Мау: хотели проверить, не появились ли дети рядом с Матерью-кошкой. И не терпящим возражений тоном объявили, что *ревизию пустыни* намерены проводить раз в месяц. Айлин не стала спорить, просто попросила Лунга проводить делегацию в спальню. Неизвестно, как родителям пришла в голову эта странная идея, но Айлин стало казаться, что в этом что-то есть, и теперь, прежде чем лечь спать, она напряжённо всматривалась в пустынный пейзаж над своей

кроватью.

Доктор Фабьен очень беспокоился о Джо. За последние недели тот очень сдал, плохо ел, иногда не вставал с постели по нескольку дней, измученный, с чёрными кругами под глазами. На прогулку его выводили Лаврион и Гонзарик. Что ж, владение магией никогда не проходит бесследно. Но она ждала, она очень ждала, что однажды Джо Риц придёт к ней и скажет: я нашёл вашего сына и своего единокровного брата...

Изматывала неопределённость с погорельцами, которые по-прежнему жили в новом корпусе психбольницы. Куда их расселить? Айлин не хотела бы настроить против себя весь город, раны у людей были слишком свежими. Купи она погорельцам квартиры, поднимется волна возмущения, ведь до сих пор неясно, кто в Холодной слободе был пособником ведьмы, а кто ни при чём.

Всё разрешилось в один день и не самым приятным образом.

Лунг уехал в Ассоциацию с поручением, но должен был вернуться часа через два. Айлин сегодня вспоминала гадалку, которая вывесила на воротах чёрную ленту — знак появления в городе ведьмы. Остальные женщины в последний момент передумали, а она нет. Знала, что сильно рискует, что двое её маленьких детей могут остаться без матери, и всё-таки решилась на этот шаг. Ведьма отомстила незамедлительно и жестоко... Лунг вызвался изучить тома следствия

по делу о похищении детей и наткнулся на один документ, из которого следовало, что детей и мужа убитой гадалки вывез из Дубьюка... лично начальник полицейского Управления города Яр Порох. Яр спас три жизни, а она узнала об этом только сейчас, из финансового отчёта, где событие проходило как служебная командировка...

...Айлин изучала проект памятника псу Бубую, тысячи лет назад защитившему Нежную Миу от бешеной кошки, когда из психбольницы позвонили. Догорела оправа из железного дерева. На всякий случай пепел нужно было утилизировать, поэтому Айлин решила не дожидаться Лунга и попросила Хейго её отвезти.

Похоже, господин Мяуш, заведующий отделением в новом корпусе, её не ждал, но вышел навстречу, худощавый, седовласый, любезно помог облачиться в белый халат, и они вместе отправились на кухню, где в клубах пара готовили обед хмурые повар и две девушки-помощницы. Одна из них обратилась к Айлин, пока та чайной ложкой собирала пепел в спичечный коробок:

— У нас тут мясо пропадает, госпожа Хозяйка.

— Портится? Плохие холодильники?

— Исчезает!

Мяуш вмешался:

— Разберёмся!

— Мы требуем, чтобы нас обыскивали, когда уходим со смены, но всем наплевать. А утром перевешиваем мясо, и

сразу вылезает недовольства!

— Успокойся, Гата, всё прояснится, — пообещал Мяуш.
— Я собирался доложить, госпожа Монца. Давайте поговорим у меня. — Когда Айлин закончила, они прошли в кабинет. — Я поручил своему помощнику разобраться.

— Господину Ену?

— Да. Мясо куда-то исчезает, хотя кухня запирается на кодовый замок. Все нервничают.

— Как неприятно. Только мясо?

Мяуш кивнул.

— И боюсь, мы скоро останемся без младшего персонала. На той неделе уволились три санитарки, а сегодня заявления ещё от двух, взгляните. — Он показал глазами на бумаги на столе. В открытое зарешеченное окно врывался ветер, и бумаги были придавлены раскрашенной металлической фигуркой кота, похожего на Господина Миша. — Получают чуть меньше медсестёр, но даже это их не устраивает.

— А причина?

Мяуш не успел ответить — постучали, и в кабинет влетела запыхавшаяся молодая медсестра, полноватая, в форменном брючном костюме. Она хлопнула дверью так, что рифлёное стекло в верхней части двери задребезжало, и, сноровисто заперев дверь на защёлку, обессиленно упала на стул. Её лицо было знакомо Айлин, часто бывавшей в больнице. Рыжеватые кудряшки выбивались из-под накрахмаленной шапочки, зелёные глаза были полны отчаяния.

— Извините, — отдышавшись, сказала она. — Я Анакиса, госпожа Монца... Как хорошо, что вы приехали... Это я вам звонила насчёт оправы... Смену доработала и уйду из этого дурдома! Навсегда!

— Анакиса, ты таблетки принимаешь? — заботливо спросил Мяуш.

— Да при чём тут! Просто я плохо сплю, госпожа Монца, и мне назначили слабое снотворное... но я его только дома пью.

— Позвольте, я сяду, — проронила Айлин, усаживаясь.

— Да-да, извините... — Мяуш тоже сел, за свой стол. — Ты уверена, Анакиса, что мы должны слушать...

— Уверена! — перебила медсестра. — Здесь страшно, госпожа Монца. Они тайком бывают в городе, в основном, по ночам, с виду такие тихие, несчастные, а на самом деле продолжают служить ведьме. Они её обожают. Вы знаете, что они проводят здесь ритуалы?

— Да что ж такое, — развёл руками Мяуш.

Анакиса видела, что у него кончается терпение и возбуждённо тараторила:

— Да! В самый глухой час ночи выходят из палат, встают в круг и бормочут. Я не верила, мне одна медсестра сказала, она здесь больше не работает. Из нормальных у нас — девчонки на кухне и повар. Остальные уволились или сбежали, осталась только мразота, которая одобряла похищения и убийства детей!

— Для таких обвинений нужны веские доказательства, — сказала встревоженная Айлин.

— Вот именно, — вставил Мяуш.

— А вы пройдитесь по палатам! Разве вы не чувствуете, что всё здесь пропитано их ненавистью?! Нет, лично с меня хватит. Они сейчас нас слышат и передают друг другу каждое слово, понимаете?

— Нет, не слышат, не бойся, у меня есть защита. — Айлин похлопала по сумочке, в которой лежал глушитель звуков.

— Старший санитар проходу не даёт. «Ах ты, кошуля моя, так бы и затискал, так бы и съел тебя, кругленькую. Да только ты жжёшься...»

— Почему?

— Жгусь? А потому что вот! — Анакиса задрала рукав формы до локтя. — И вот... и вот! — У неё везде были обереги: на щиколотках шерстяные нитки, в волосах заговорённая заколка, на руке кольцо, в отвороты брючек и лёгкого жакета скрытно воткнуты иголки и булавки. — Знаете, они на вас злятся, потому что по вашему распоряжению сюда привезли горящее железное дерево, а оно разрушает их магию. Это мне та медсестра сказала. — Анакиса прислушалась, и на её веснушчатом лице отразился самый неподдельный страх. — Они за дверью, все тридцать шесть человек...

— Боюсь, девочка, — с сочувствием сказал Мяуш, — мне придётся поставить тебе укол.

Раздался стук в дверь.

— Господин Мяуш! — За рифлёным стеклом проступал тёмный силуэт.

— Это Ен! Не открывайте! Он тоже с ними! — паническим шёпотом сказала Анакиса. — Сейчас скажет, что с кем-то плохо!

— Что тебе, Ги? — громко спросил Мяуш, подойдя к двери.

— У пациентки из восьмой проблема. Можете посмотреть?

— Я занят! Разберись сам.

— Хорошо... Ещё хотел поговорить об Анакисе... Мы должны принять срочные меры...

— Я им мешаю, потому что ночью я кое-что видела, — выпалила Анакиса.

— По-моему, она заговаривается, — продолжал голос за дверью.

— Врёт! — выдохнула Анакиса.

— Я считаю, личные проблемы не должны сказываться на работе, а у неё с мужем не ладится, из-за этого она не справляется с обязанностями.

— Снова врёт!

— Я не могу сейчас об этом говорить, Ги, — сказал Мяуш. — У меня тут госпожа Монца, обсуждаем бюджет на следующий квартал. — Вернувшись к столу, Мяуш вопросительно взглянул на Анакису. — Ну, что ещё ты придумаешь, путая фантазии с реальностью?

— Так что было ночью, Анакиса? — спросила Айлин.

— Я сегодня сменила Зубану, стала проверять журнал, вижу, она не отметила, что налила молоко в молочную чашу, уже второй раз за неделю с ней такое. Я не жалуюсь, но это же непорядок. Кухня закрыта, я взяла молоко из холодильника в сестринской, у меня есть ключи. Открыла дверь во внутренний двор, а *он* стоит у чаши и жрёт мясо, урчит от удовольствия, хвост ходуном... А эти все прилипли к окнам, глаза радостные... Хорошо, что я дверь только слегка приоткрыла, сердце ёкнуло, подсказало! Ну, а как *его* увидела, дверь тихонько заперла и к себе... Но они же всё чувствуют, твари, так смотрят на меня сегодня, будто сожрать хотят... Он мне теперь каждую ночь будет сниться... — Анакиса задыхалась.

— Демон, — похолодев, сказала Айлин.

— Да!

— Госпожа Монца, неужели вы ей верите? — спросил Мяуш.

— Мясо же пропадает? И что нам делать, если Анакиса права?

— Бежать, — сказала Анакиса. — Или они нас уколошат. Дверь такая хлипкая... Что там, подсобка? — Вскочив на ноги, она открыла дверь между шкафом и окном и обнаружила небольшой коридорчик. — Куда он ведёт?

— В подвал. Там в камере хранения дверь железная, можно на время спрятаться... — задумчиво сказал Мяуш.

— Ключи есть? — спросила Айлин, начиная нервничать.

— Конечно. — Он похлопал по карману халата.

Айлин достала деревяшку.

— Длит. Я в новом корпусе психбольницы, в кабинете заведующего. Тревога! Да, поняла... — Мазнув деревяшкой по рукаву, она отключилась.

В стеклянную дверь снова постучали.

— Господин Мяуш, — раздался голос Ги Ена, — вы освободились? Вы нам очень нужны!

— Задержите их на сколько сможете, — сказала Айлин. — Полиция уже едет.

— Я скоро выйду, Ги!

вернувшись к двери, громко сказал Мяуш.

Айлин разволновалась, вдруг закружилась голова, накрыло непонятное. Она спрятала лицо в ладонях и невольно представила, как добровольные ведьмины помощники стоят в коридоре, подкрались и сторожат, готовые напасть... А если Анакиса обманывает? Прикидывается? Но зачем ей? Допустим, заманит в подвал. Так на ней нагром. Хотя она сама не знает, настоящий ли он, посторонние-то видят, что Хозяйка защищена...

Она открыла глаза. Анакиса напротив выглядела как испуганная рыжая кошка. Айлин проморгалась. Великая Мау, подумала она, я вижу её насквозь, как тогда, с ведьмой. Значит, всё правда, Анакиса не обманывала...

С той стороны двери дёргали ручку.

— Пре-кра-ти! — раздражённо сказал Мяуш и даже стукнул костяшками пальцев по стеклу. — Пора остановиться!

Его слова доносились до Айлин с искажением, эхо грозно повторяло: бу-бу-бу... Она тихонько поднялась, взяла со стола тяжёленькую фигурку мурра, сдвинула бумаги. Она знала, что здесь находится тревожная кнопка. Нажав на неё, Айлин заблокировала все входы и выходы в корпусе и послала сигнал на пульт охраны, а потом скользнула на цыпочках к двери. В это мгновение Мяуш повернул к ней своё страшное, исказившееся от злобы лицо, и она недрогнувшей рукой ударила его статуэткой прямо в лоб. Мяуш без звука осел, загородив собой дверь, — очень кстати, потому что полетели осколки стекла и Айлин увидела в проёме не лица, а жуткие морды — столько в них было нечеловеческого, грязного, ненавидящего. Пока *они* пытались выбить дверь, Айлин хладнокровно залезла к Мяушу в карман халата и вытащила связку ключей.

Они с Анакисой бросились бежать. За спиной раздавались рёв и вой. Помощь подоспела быстро, так что они отделались испугом, переждав в камере хранения.

Первой в отделение ворвалась Длит, полиция ей не препятствовала. Она применила заклинание устрашения, и все, включая очухавшегося Мяуша, послушно разошлись по палатам, где их и заперли.

После счастливого вызволения Айлин тепло попрощалась

с Анакисой, а Длит с Лунгом принялись прямо в подвале очень эмоционально выяснять, кто виноват в том, что Айлин попала в переделку. Айлин попросила их замолчать, но Лунг не удержался от сомнительной шутки, что теперь хотя бы проблема с расселением погорельцев решена.

— Опять то же самое заклинание маскировки, как и в случае с Цветой, — сказала Длит. — На этих ведьминых выкорышках стояла такая сильная защита, что даже мой браслет её не чувствовал, а разрушить смог только огонь железного дерева. Айлин, можно такое устроить в Спящей?

— Что устроить?

— Поджечь железное дерево.

— Исключено!

— Совсем маленькую щепочку, а не целое дерево, когда был бы совершенно другой эффект...

— Длит, ты не понимаешь, о чём просишь? Может пострадать магия мурров, и тогда мы встретимся с другим Хранителем!

— Ладно... Но мы проигрываем, пока наши враги могут так прятаться. Я останусь, чтобы всех допросить.

— Я тебе помогу, — сказал Лунг. — Госпожа Айлин, если не возражаете, домой вас отвезёт Хейго.

Молочную чашу в тот же день убрали с территории больницы, но Айлин передавали, что ещё несколько ночей демон ходил и заглядывал в окна, наверное, в поисках свежего мяса, и был так страшен, что пособники ведьмы, с которых спа-

ли последние чары, в ужасе прятались под кроватями.

2

После успеха первой ночи, когда Джо приучил змея являться из сундука и обратно туда возвращаться, пошла чёрная полоса.

Для начала коварный змей настроил против него жуков, и, едва Джо приказывал ему выйти из сундука, притихшие были жуки грызли его с удвоенной силой. Джо терзали боль и обида на судьбу, он перестал следить за собой. Мазь Барри кончилась, а найти Длит, чтобы попросить новую порцию целебного средства мешала не гордость, а тупое упрямство. Даже понимая это, Джо не мог его побороть. Никого не мог побороть, ни себя, ни змея.

Зато змей действовал решительно. Приручив жуков, он занялся перестройкой своего длинного, как поезд, тела. Не перемешиваясь, что нарушило бы единство заклинания, части змея переплелись, и у него выросла голова с огненной пастью и двумя длинными рогами над маленькими злобными глазками. Потом появились странноватые, но узнаваемые крылья, четыре когтистые лапы — мощные задние и более скромные передние; тело покрыла чешуя, а по голове, по длинной шее и хребту встопорщились ужасающей остроты иглы. Всего через несколько дней жуткое создание, живущее в мифах и именуемое драконом, поселилось в голове Джо. Он наблюдал за его появлением с бессилием, вызывающим отвращение у него самого.

Так Джо нарушил важнейшее условие, о котором говорила Шани. Он позволил магическим символам принять вид существа. Но как он мог этому помешать?!

Когда дракон впервые дохнул в его сторону пламенем, Джо решил, что смерть пришла. Тело обдало жаром, он закричал от страха и боли. Но выстоял, не сгорел, не обуглился, только испугался, что жуки в груди спеклись и никогда не выберутся к висящему на цепочке привяжи-камню. Но нет, мелкие твари шевелились и кусались по-прежнему.

Огненный дракон с интересом наблюдал за ним.

— Пошёл! На место! — закричал Джо. Ему требовалось время, чтобы прийти в себя.

Дракон лениво взмахнул сверкающими крыльями и убрался в сундук.

Что-то я делаю не так, думал Джо. Упустил инициативу, позволил ему окрепнуть... Ещё немного, и сожрёт. Если боль меня не убивает, я должен действовать. Но как?

Он позвонил по деревяшке Шани, но та его отбрила:

— Твоя судьба в твоих руках, племянник. Мы дали тебе всё, что могли. Покажи характер. Звони, когда новости будут хорошими.

...Джо вызывал ненавистного дракона, и тот всякий раз сочинял для него новые страдания, дышал огнём, пугал, делая вид, что вот-вот проткнёт иглами, растравливал в душе незалеченные раны: тоску по отцу, по Клотильде, сожаление о погибшем в тюрьме Томми, показывал ему подроб-

ности нападения Дикого кота на несчастную мурчу Пенты. Он пробудил в нём воспоминания о давно забытых проступках — многие из них были ничтожными, но внезапно обрели масштаб и терзали Джио посильнее жуков. Примерно так же пробуждали в нём раскаяние ароматы цветов из гирлянды, которую однажды принесли в Спящую цветочные девушки, только сейчас раскаяние было многократно усилено. Джио всё сильнее презирал себя за то, что натворил когда-то, и его самоуничтожению не было предела. Он не ел и не спал и будто стоял на краю.

Наконец дракон посадил Клотильду на спину и увёз в черноту космоса. Джио бессильно смотрел им вслед, понимая, что это в самом деле конец — он потерял её навсегда. Но чаша терпения была переполнена, Джио заставил себя встать с постели, принять ванну и побриться, хотя для всего этого и понадобилась помощь Лавриона. Неожиданно для Джио, дворник проявлял о нём заботу сродни отеческой.

Джио смотрел на себя в зеркало в своей роскошной ванной и видел исхудавшего, умирающего человека.

После процедур не осталось сил. Лаврион, немолодой, но всё ещё крепкий мужчина, на руках отнёс Джио в постель.

— Не сдавайся, парень, — убеждал он и кормил Джио с ложечки. — Поешь, а там, глядишь, и всё наладится.

До вечера Джио лежал не сомкнув глаз, а потом пришёл Господин Миш. Он сидел на краю постели и пристально смотрел на Джио жёлто-зелёными глазами. От него жутко

несло рыбой, в загрязнившейся тёмной шубе и даже на усах блестели рыбы чешуйки.

— Что, брат, проститься пришёл? — со слабой улыбкой сказал Джо. — Кажется, самое время...

Мурр закрыл глаза. Джо сразу потянуло в сон, и проспал он до глубокой ночи, а проснулся освежённым — почувствовал прилив сил, а также способность мыслить здраво. Раньше, когда удавалось заснуть, в его коротких сновидениях появлялся дракон — пристраивался в уголке и не спускал с Джо глаз. Но что-то подсказывало Джо, что сегодня всё будет по-другому. Он вспомнил первый контакт со змеем и свои слова:

— *Я тебя не отпускал. Выходи, или я вытащу тебя по кускам.*

Почему в тот миг змей отреагировал на угрозу? Чего испугался? И ещё Джо не понимал, с чего вдруг у него вырвалось это *по кускам*. Словно кто-то великодушно дал ему подсказку, а он, вместо того чтобы идти по указанному пути, позволил боли победить себя. Нет, больше он этого не допустит.

И вот она настала — ночь его последней битвы.

Шани сказала: *он просто набор непослушных знаков, которые ты должен усмирить*. Джо вызвал огненного дракона из сундука.

— Ты набор символов, понял? Покажи свой хвост! Пока я его не оторвал. — И он добавил ругательство, которое слышал

от Шотки: — Лудото чикимэ!

И дракон, такой надменный, дерзкий, презирующий приказы, обмяк и послушно предъявил свой длинный шипастый хвост.

Ничего неожиданного или странного Джио поначалу не заметил: кольца из гусениц и пиявок, перекрученные змеи. Но где-то здесь крылась разгадка, от которой зависела его жизнь, и Джио со всей внимательностью продолжал рассматривать драконий хвост.

Он обнаружил, что хитросплетения знаков имеют свой ритм, свой порядок, и что их орнамент состоит из повторяющихся комбинаций. Перед ним был код заклинания. Даже такой несведущий человек, как он, это понял. Но что делать с этим знанием, лудото чикимэ?

Время шло, а Джио как одержимый смотрел на крайнюю комбинацию хвоста, и она отпечаталась у него в мозгу: змея вокруг пиявки, запятая внутри кольца из змеи, змея здесь, змея там... Он закрыл глаза — огненные символы стояли перед ним; он будто сфотографировал их в том состоянии дикого напряжения, в котором находился.

Он открыл глаза. С самого кончика драконьего хвоста слезла чешуя, он распрямился и стал оконечностью *змеино-го* хвоста, и тут до Джио дошло, что для полного успеха он должен запомнить все части змея, всё до последней пиявки, до последней запятой...

Свет воссиял в душе, и надежда увидеть Клотильду

вспыхнула с новой силой.

Присмиривший дракондохнул для виду огнём, но Шоткино ругательство действовало эффективнее любого заклинания устрашения — дракон скрылся в сундуке, и ночное противостояние закончилось победой Джо.

...Это была самая странная работа в его жизни. Простое механическое запоминание было бы невозможно, поэтому, следуя интуиции, Джо *впитывал* в себя огненные знаки, старался с ними сродниться. Однажды набравшись их до рвоты, он больше не пытался захватить лишнего за раз, и дело пошло быстрее; мелкие порции усваивались легче, и змей очень быстро перестал прикидываться драконом.

Хотя до полной победы было далеко, Джо не отчаивался и шаг за шагом шёл к цели. За ним хорошо ухаживали, доставляя еду в апартаменты, днём он спал, ночью сражался. Вечерами Лаврион с Гонзариком выводили его на короткую прогулку.

Настала ночь, когда Джо запомнил всё до мельчайшей загогулины и, вдруг без труда уменьшив его размер, представил себе змея целиком. В голове что-то щёлкнуло, мозг выдал цельную картину заклинания — оно выглядело как чудесная спиральная гусеница, в которой на нескольких уровнях переливались и искрились не жгуче-огненные, а золотистые завитки, по краям усыпанные шариками. Это был гармоничный образ магии, воплощение истинного волшебства. Джо ахнул от восхищения.

Он смог, он подчинил себе магию! Пришло время увидеть её в действии. Джо подумал о Шани, вспомнил, как она кормила его и давала наставления. В нос ударил запах пота от её крупного тела, от разгорячённого лица, которое она обтирала белоснежным платком. Змей, висевший перед Джо в пространстве космоса, нырнул в сундук и затаился.

— Что это значит? — удивился Джо. Он достал деревяшку. Шани отозвалась не сразу, заставив его понервничать. — Ты мертва.

— Ага. С того света с тобой разговариваю.

— Так змей говорит.

— Я в погребке. — Она осеклась. — А, постой... точно... совсем забыла. Или мёртв или — под землёй! Значит, ты смог? Скрутил змея?!

— До гусеницы, — сказал довольный Джо.

— Нос родился...

— Что там за хлюпающие звуки? Ты плачешь?

— Горжусь тобой... Иди, работай дальше...

Джо проверил вещи из пакетов, которые ему принесла ловисса, и вдруг она сама, постучавшись, вошла в апартаменты.

В кресле у окна сидел измождённый человек, больше похожий на старика, с его морщинами и блёклыми волосами. Занятая делами Длит целую неделю не появлялась в Спящей и остолбенела, поняв, что перед ней Джо. Тот самый Джо Риц. Он усмехнулся, заметив её реакцию.

— Джо... Непростые выдались деньки, а? Как ты?

— Сама не видишь?

— Ну, давай, порадуй меня.

— Откуда ты узнала, что у меня прорыв?

— Шла по коридору и почувствовала твою магию.

Он удивлённо хмыкнул и кивнул на пакеты с вещами, лежащие на ковре:

— Из этих троих больше всего меня интересовал Эдам Риц. Брат.

— И?

— Или под землёй, или его нет в живых. Или уехал.

Она не слишком удивилась.

— Вряд ли уехал. Ты расстроился?

— Да не очень-то приятно, когда родственники пропадают. Я приехал сюда из-за него, но мы так и не встретились. Я на него похож?

— Сейчас нет, но когда подлечишься... Сходство заметное, — без раздумий ответила Длит. — А Яр Порох? Мы знаем, что он под землёй, но жив ли?

— Земля мешает понять. Зато этот по земле ходит, — сказал Джо про хозяина шарфа из третьего пакета.

Длит улыбнулась, торжествуя.

— Найдём его?!

— Как? Мне же нельзя выходить.

— Со мной можно. Поедем в машине в затемнёнными стёклами. Главное, не упустить своего змея, Джо.

Она верно чувствовала его состояние. Раньше огненные знаки сидели в нём невидимые, а теперь Джо чувствовал каждый из них. Змей стал частью тела, как руки и ноги. Лишишься — будет больно. А значит, нельзя отпускать от себя.

...Через час Длит с Лунгом вошли в кабинет Айлин, и Длит рассказала ей об открытиях Джо.

— Если Эдам жив, он... у подземщиков? — На Айлин лица не было.

— Возможно. Я не обещаю, что найду его, Айлин. Обещаю, что буду искать. — Длит достала свёрнутый листок бумаги. — Баз черкнул для вас пару слов.

— Неужели? Что там?

— Последний привет от Яра Пороха...

Айлин пробежала записку глазами и нахмурилась.

— И как это нам поможет?

— Этим займётся Тигрец. Он-то всё перевернёт, но выяснит, о чём речь.

— Хорошо, спасибо. Ты Базу заплатила?

— Ещё чего. Рад, что жив остался. Прятался в трущобах и встрече нашей не обрадовался, как вы понимаете.

— Как же вы его нашли?

— Поехали на машине. Джо говорил Лунгу, куда сворачивать, так и добрались.

— Это чудо... Передай Джо спасибо. Впрочем, я сама найду, мы же тут рядом на этаже...

— Только не пугайтесь. Ему досталось от его змея.

— Да, это понятно.

— Может, капель? — видя, как расстроена Хозяйка, предложил Лунг, но она только махнула рукой.

Ей хотелось остаться одной. Почувствовав это, Длит с Лунгом ушли. Наплакавшись, Айлин взяла записку и несколько раз перечла написанное, последние слова Яра Пороха, донёсшиеся из склепа на старом кладбище:

Здесь повязка и сачок

Люди, чьи интересы представляет Баз, предпочли скрыть от неё эту информацию, отказавшись от предложенной компенсации. Сумма была огромной, и тем не менее... Но почему?! Какая-то повязка, какой-то сачок... Её душило отчаяние.

Она подожгла листок в бронзовой чаше на треноге. Бумага вспыхнула и рассыпалась пеплом, оставив в воздухе горьковатый запах. Что ярко горит, быстро гаснет...

3

Следующим вечером, когда Пит возвращался домой и до мельницы осталось совсем ничего, кто-то свистнул сзади.

— Питер!

Его нагнали двое парней, один невысокий, рыжеватый, второй здоровенный, оба коротко стриженные. Их суровые лица в свете заходящего солнца казались обветренными.

— Поговорить надо, Пит, — негромко сказал невысокий.

— Я Тигрец, друг Яра Пороха, а это Котяка. — Руки Тигрец не подал. Он постоянно покашливал. — Ты же знаешь, что случилось с Яром? — Пит кивнул. — Меня разжаловали за то, что я собирался вытащить его из склепа. Я больше не полицейский, но сам продолжаю расследовать это дело.

— Мне-то что? — угрюмо сказал Пит, стараясь не отводить взгляд.

— Ты же был там вместе с Мардишером, — полу-утвердительно сказал Тигрец.

— С чего ты взял?

— Вы ж с ним вроде как приятели? Жанин подтвердила, что ты собирался сходить на могилку к матери как раз в день воскрешения. Потом интересовался у Хвача, где Мардишер, а потом вас видели вместе. Да и жучка он с тебя снял. Похоже, было что скрывать, а? По всем признакам, ты там был, Пит. Ты пятый, которого ищут. И чтобы тебя не считали преступником, давай, расскажи, что видел. — Пит молчал, и это нервировало Тигреца. — Перед тем как Яра закрыло в могиле, он нашёл на дне два предмета и успел о них сообщить. Во-первых, там была повязка. Мы узнавали, у тебя была чёрная повязка с кружком на глазнице, а сейчас на тебе женский платок — потому что повязку ты потерял на кладбище. Яр как-то очень быстро опознал предмет на дне ямы, а ведь повязки бывают разные... — Тигрец тяжело дышал, видимо, с трудом сдерживаясь, чтобы не заорать, а может, врезать Питу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.